

Федеральное государственное образовательное
бюджетное учреждение
высшего профессионального образования
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации

П. С. СЕЛЕЗНЕВ, Р. П. ТРОФИМОВА

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

теория и практика

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

ПРОСПЕКТ

Павел Селезнев

**Культурология: теория и
практика. Учебное пособие**

«Проспект»

Селезнев П. С.

Культурология: теория и практика. Учебное пособие /
П. С. Селезнев — «Проспект»,

ISBN 978-5-39-216033-4

Учебное пособие «Культурология: теория и практика» представляет собой учебник-задачник по теории и истории мировой культуры, которая рассматривается как основа существования и развития «локальных» цивилизаций человечества, составной частью которой является экономика. Изложение истории мировой культуры открывает учебное пособие и включает как текстовой, так и закодированный в тестах анализ культурного развития как древних, так и современных «локальных» цивилизаций. Этот материал подводит читателя к изучению теории таких наук, как культурология и цивилизациология. Задачник тестов позволяет проверить собственные познания в области теории и истории мировой культуры, а также степень собственной образованности. Учебное пособие соответствует Государственному стандарту по культурологии Министерства образования РФ и рассчитано на преподавателей, аспирантов, студентов, интересующихся проблемами развития культуры.

ISBN 978-5-39-216033-4

© Селезнев П. С.
© Проспект

Содержание

П. С. Селезнев, Р. П. Трофимова	5
Вместо введения	6
Раздел I	7
Раздел II	20
Конец ознакомительного фрагмента.	57

П. С. Селезнев, Р. П. Трофимова
Культурология: теория и практика
Учебное пособие

[битая ссылка] ebooks@prospekt.org

Вместо введения

Великие цивилизации человечества и их культуры полны тайн и загадок, вне постижения которых немислимо развитие человечества в третьем тысячелетии. Обращение к ним предполагает хорошее знание особенностей культуры как основы разнообразных «локальных» цивилизаций человечества, которые как в историческом, так и в сегодняшнем существовании представляют собой созданные творцами этих культур великие духовные и материальные ценности.

В предлагаемом учебном пособии «Культурология: теория и практика» автор в содержательном плане опирается на широко признанный в мировой науке нашего столетия «цивилизационный подход», позволяющий изучать всемирную историю как «единство в многообразии» – единство разнообразных «локальных» человеческих цивилизаций. Этот подход был обстоятельно разработан выдающимися учеными Н. Я. Данилевским, О. Шпенглером, Л. Уайттом, А. Тойнби, С. Хантингтоном и другими и применен в различных областях гуманитарного знания. В отличие от других методов, он предполагает полифакторность развития человеческого общества при понимании «цивилизации» как «устойчивого единства всех оснований объединения людей, их общностей и культур, опирающихся на преобладающее единство технологий, информации и духовных ценностей».

Подобные «цивилизации» как ограниченные в своем существовании во времени и в пространстве общественные системы развиваются циклично, что предполагает возможность их исторической прерывности в диахроническом (историческом) плане, что мы наблюдаем в истории древних цивилизаций Востока или доколумбовой Америки. Каждая «локальная» цивилизация сосуществует в синхронии с другими, что мы также видим сегодня, когда на земном шаре сосуществуют минимум десять различных самобытных «локальных» цивилизаций человечества.

Важно отметить, что каждая из подобных цивилизаций имеет свою культурно-экономическую систему («матрицу») как основу существования, ядром которой является культура «как самобытная творческая деятельность людей по созданию, пополнению и сохранению материальных и духовных ценностей»¹. Эти ценности приобретают общечеловеческий характер и одновременно имеют национально-этническую значимость.

Каждая из культур, составляющих ядро цивилизации, имеет свои, только ей присущие ценности, существование которых, как и знание их субъектами культуры, предопределяет не только развитие «локальных» цивилизаций, но и в целом алгоритмы развития мировой науки и культуры в будущем тысячелетии.

Учебное пособие «Культурология: теория и практика» в особом виде суммирует основное информационно-культурное знание в системах «локальных» цивилизаций. Логика построения учебного пособия полностью соответствует Государственному образовательному стандарту и программе «Культурология».

При пользовании учебником-задачником важно помнить, что самое большее, что может дать ваша работа над тестами, – это указание, какое положение вы занимаете по своему образованию в области культуры. Желаем большой удачи в вашей работе!

Раздел I

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Теория культуры

В мировой гуманитарной науке сегодня отсутствует однозначное признание культурологии в качестве целостной единой науки о культуре как общественном явлении. С 1871 г., когда было дано первое научное определение культуры английским этнографом и теоретиком культуры Э. Б. Тайлором, в исследовании культуры сосуществуют три ведущих направления ее постижения: 1) философия культуры как часть философии; 2) блок наук о культуре: этнология, этнография, культурная антропология и другие; 3) культурология как единая наука, включающая теорию и историю культуры. В последнем значении культурология начинает широко развиваться в нашей стране с 1991 г. **Предметом культурологии является изучение культуры как конкретно-исторической системы создания, сохранения, распределения, обмена и потребления материальных и духовных ценностей.**

Термин «культура» (от лат. cultura – «обрабатывающий», «возделывающий») введен в научный обиход древнеримским философом, оратором и политическим деятелем **Марком Туллем Цицероном (106—43 гг. до н. э.)** в 45 г. до н. э. в труде «Тускуланские беседы». В нем Цицерон говорит о культуре как о «культуре ума и сердца» (в смысле «возделывания ума», обработки духовных способностей человека).

В настоящее время существует более 300 определений культуры. Наиболее распространенным и научным, с нашей точки зрения, является понимание культуры как творчески созидательной деятельности по преобразованию природы и общества, результатами которой является постоянное созидание, пополнение и распределение материальных и духовных ценностей, совершенствование всех сущностных человеческих сил.

Со времен античности возникла и развивалась теория культуры, которая опиралась на ее реальную историю и породила многочисленные теории и методологии в изучении этого социального явления. В приведенных ниже тестах представлены системы осмысления культуры представителями школы функционализма Б. Малиновским, А. Рэдклифф-Браун; течения эволюционизма (Э. Б. Тайлор, Г. Спенсер, Дж. Фрэзер). Определение культуры как особого культурного круга выдвинуто в культурологии **созданной Л. Фробениусом теорией культурных кругов.**

Э. Б. Тайлор, предложивший одно из первых культурологических определений этого общественного явления, в книге «Первобытная культура» представляет культуру как «собирательное» понятие. «Культура, или цивилизация...», – пишет он, – «слагается в своем целом из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества».

В XX в. в круг интересов культурологии входят все новые и новые сферы человеческой деятельности. Наиболее тесно культурология взаимодействует с философией, в недрах которой она возникла и развивалась на протяжении многих веков. В то же время она тесно связана с эстетикой, искусствознанием, являясь соединительным звеном между философией и искусствоведческими дисциплинами, включая многие проблемы эстетики. Она выявляет и собирает то общее, что объединяет все области художественного творчества.

Анализ духовной культуры невозможен без обращения, например к физиологии и психологии, которые исследуют механизмы человеческого восприятия. В решении этих проблем большую роль играют данные социологии, семиотики, теории информации. Взаимодействие

культурологии и педагогики содействует формированию человека нашего времени, помогая воспитательному процессу.

Весьма актуальным становится взаимодействие культурологии и экологии, при котором проблемы сохранения окружающей среды рассматриваются в соответствии с пониманием гуманистического начала в современном мире. Особую роль в этом взаимодействии играет этика как наука об истинности человеческих отношений.

Взаимодействие культурологии со смежными науками, сочетание традиционных и новых методов исследования дает возможность по-новому подходить к проблемам человеческой деятельности в культуре и их плодотворному решению.

В античной философии понимание культуры отождествлялось с духовностью человека, ярко выраженной в художественном творчестве. Критерии художественности произведений культуры, принципы, на которых должен строиться их анализ, были выдвинуты **Аристотелем в «Поэтике»**. Этот труд, дошедший до нас, к сожалению, в неполном виде, не только обобщал опыт художественной практики античной Греции, но и носил культурно-нормативный характер. Аристотель учил, что произведение культуры может быть осуждено, если его содержание непонятно, противоречит логике, вредно для нравственности и идет вразрез с правилами искусства творчества.

Важную роль в культурологическом наследии древнегреческого философа играет его учение о «мимесисе», то есть подражании. Демокрит и Аристотель рассматривали искусство в культуре как подражание объективной действительности, подчеркивая земной, а не мистический характер художественного творчества. В то же время, с точки зрения античных мыслителей, «мимесис» – это не просто копирование. Так, Аристотель подчеркивал свободу выбора художника как объекта, так и средств изображения, особо выделяя роль обобщения в искусстве, «философичность» культуры.

Художественная практика и теоретические суждения **мыслителей эпохи Возрождения Леонардо да Винчи и Альбрехта Дюрера** наиболее полно воплощают в себе характерные черты культуры Ренессанса. Их взгляды на культуру в обобщенном для всей эпохи виде выражают гуманистическую по своей сути ориентацию в вопросе об источнике красоты в искусстве; утверждение родственности науки и искусства в культуре как форм, в которых человек может познать природу и самого себя; мысли о том, что отражение красоты природы художником не есть копирование. Прекрасное в искусстве и культуре воспринимается всей философией эпохи Возрождения как особый результат культурного отбора, выявления общего, наиболее совершенного в окружающем человека мире, его «второй природе».

Особое место занимает учение о культуре, аккумулированное во многом в эстетике и этике в системах классической немецкой философии, особенно у **Канта и Гегеля**. Оно как бы завершает их системы, решая важнейшие проблемы духовной культуры человечества и в первую очередь вопрос об эстетическом вкусе как основе культурной духовной деятельности, положившей начало новому видению мира в творчестве XIX–XX вв. В книге «Критика способности суждения» (раздел «Аналитика прекрасного») И. Кант пишет: «Чтобы определить, прекрасно ли нечто или нет, мы соотносим представление не с объектом посредством рассудка ради познания, а с субъектом и его чувством удовольствия или неудовольствия посредством воображения (быть может, в связи с рассудком). Суждение вкуса поэтому не есть познавательное суждение; стало быть, оно не логическое, а эстетическое суждение, под которым подразумевается то суждение, определяющее основание которого может быть **только субъективным**»². Анализируя далее культурную способность эстетического суждения, Кант свел ее к бескорыстному любованию формой предмета, умалив значение содержания. Выявление Кантом специфики эстетического суждения, весьма важное для научного и культурологического познания, обеднено тем, что философ отрывает, изолирует эстетическую сферу от всех других видов культурного познания и деятельности людей. Эти положения кантовского учения о

природе прекрасного были позднее взяты на вооружение теоретиками культуры модернизма и постмодернизма.

Противоречие между реальным и идеальным, как показывает анализ трагедии **Ф. Шиллера** «Мессинская невеста», может быть погашено в «духе». Согласно Ф. Шиллеру, искусство в культуре, совершенно отрываясь от действительности и становясь чисто идеальным, только тогда и достигает правды. «Сама природа есть лишь идея духа, никогда не воспринимаемая чувствами. Она лежит под покровом явлений, но сама никогда не обнаруживается в явлении. Этот дух сущего и закрепить его в осязаемой форме»³.

В отличие от И. Канта и Ф. Шиллера, **Гегель** рассматривает культурные явления с позиций диалектического метода познания. Глубоко диалектично определение им сущности важнейшей категории эстетики и теории культуры – прекрасного. По Гегелю, оно предстает как чувственное явление «идеи» в конкретном единстве с внешним бытием, как единство внутреннего содержания и внешней формы, понятия и реальности. Опираясь на такую трактовку прекрасного, Гегель развивает учение об идеале и ступенях его развития, показывает, как изменяются формы искусства и культуры в зависимости от соотношения между идеей и ее внешним образом.

Важнейшим методологическим принципом философии и эстетики Гегеля является принцип историзма. В соответствии с ним вся мировая художественная культура, смена форм искусства рассматриваются как закономерный процесс, представляющий собой одну из граней общего исторического движения человечества. Таким образом, искусство, вся художественная культура оказываются опосредованными экономическими, правовыми, нравственными и другими сторонами жизни общества. Однако реализовать в полной мере возможности анализа культуры и искусства с позиций историзма Гегель не смог. Этому помешала исходная позиция его философии, согласно которой само развитие общества, и культуры в том числе, объясняется как воплощение творческой силы «мирового разума».

В русской философской и культурологической мысли интересны мысли, отражающие борьбу **В. Г. Белинского** и **Н. Г. Чернышевского** с их утверждением социально-преобразующей, воспитательной роли искусства против теории «искусства для искусства» («чистого искусства»). Для сторонников этой теории было характерно утверждение абсолютной независимости искусства от общественной жизни, политики, науки, морали. В теоретическом плане сторонники «чистого искусства» опирались на идею И. Канта о «незаинтересованном» характере эстетического суждения.

Однако течение «чистого искусства» выражало далеко не магистральную линию развития русской культурологии, которая в области художественной культуры опиралась на демократические принципы реализма в искусстве. По мнению Н. Г. Чернышевского, художник должен не воплощать в своем произведении эффектные приключения надуманных героев, а черпать факты и события из самой действительности. Но, советуя брать материал из жизни, Чернышевский подчеркивает, что отнестись к этому нужно творчески. Его ответ звучит так: «...в том, что вы сумеете отделить нужное от ненужного, принадлежащее к сущности события от постороннего»⁴.

Своеобразное преломление получила теория культуры в марксистской теории. С ее точки зрения, формы общественного сознания как составные части духовной культуры обладают относительной самостоятельностью. Они могут активно воздействовать на общественное бытие, содействуя прогрессивным преобразованиям общества. Обосновывая тезис об определяющей роли общественного бытия, **К. Маркс** и **Ф. Энгельс** отвергали схематическое и догматическое его толкование. Отмечая известную диспропорцию между расцветом культуры и искусства и уровнем развития общества, они тем самым указали на относительную самостоятельность культуры.

Объясняя, почему греческий эпос продолжает доставлять эстетическое наслаждение, К. Маркс пишет: «Мужчина не может снова превратиться в ребенка, не впадая в ребячество. Но разве его не радует наивность ребенка и разве сам он не должен стремиться к тому, чтобы на более высокой ступени воспроизводить свою истинную сущность? Разве в детской натуре в каждую эпоху не оживает ее собственный характер в его безыскусственной правде? И почему детство человеческого общества там, где оно развилось всего прекраснее, не должно обладать для нас вечной прелестью, как никогда не повторяющаяся ступень? Бывают невоспитанные дети и старчески умные дети. Многие из древних народов принадлежат к этой категории. Нормальными детьми были греки. Обаяние, которым обладает для нас их искусство, не находится в противоречии с той неразвитой общественной ступенью, на которой оно выросло. Наоборот, оно является ее результатом и неразрывно связано с тем, что незрелые общественные условия, при которых оно возникло, и только и могло возникнуть, никогда не могут повториться снова»⁵.

Особое место в развитии культурологии как науки сыграли теории, изучавшие культуру как часть цивилизационного развития человечества, ее роль в доистории развития человеческих сообществ и собственно саму эпоху цивилизаций, которая начинается в наиболее развитых частях ойкумены (долины Нила, Тигра и Евфрата, Инда и Ганга, Хуанхэ) около 3 тыс. лет до н. э. С развитием в конце XIX в. наук – культурологии и цивилизациологии – положило начало собственно истории как нового типа и способа существования человечества, которого не знала доистория (дикость и варварство) цивилизации. Образование исторического мира цивилизаций стало новым шагом в развитии принципиально нового культурного человека и человечества. Приметы новой эпохи общеизвестны: земледелие и скотоводство; освоение металла от бронзы и меди до железа; города, государство, письменность.

Определение времени появления из доистории исторических цивилизаций оказалось для мировой науки сложным и кропотливым делом, породившим множество различных точек зрения и вызвавшим разнообразные дискуссии. Одним из родоначальников теории культуры и цивилизации был в XIX в. **американский этнограф Льюис Г. Морган**, написавший книгу «Древнее общество»⁶. Он впервые вводит в общественные науки идею эволюционного цивилизационного развития общества, которое он делит на три эпохи: дикость, варварство и цивилизация. «Человечество начало свое поприще с самой низкой ступени развития и проложило себе дорогу из состояния дикости к цивилизации благодаря медленному накоплению опыта»⁷. На накопление опыта, по мнению Л. Г. Моргана, оказали два круга явлений: с одной стороны, изобретения и открытия, с другой – производство средств существования, управление, язык, семья, религия, домашняя жизнь и архитектура, собственность. Эти факторы, по Моргану, возникли в человеческом обществе на первых ступенях его существования. Возникновение истории как цивилизации предполагает, по Моргану, выплавку железа, появление буквенного письма и развитого государства со всеми его основными атрибутами. Весьма вероятно, что идея плавить железную руду и ее осуществление явились только в одном каком-либо месте. Возможность узнать, какому племени и народу мы обязаны этим изобретением и вместе с тем цивилизацией, также входит в исследования как культурологии, так и цивилизациологии. Семитическая семья была бы тогда впереди арийцев и во главе человеческой расы. Она дала человечеству фонетический алфавит и, по-видимому, также знакомство с железом. «Заключительный период варварства привел эту часть человеческой семьи к порогу цивилизации воодушевленную великими достижениями прошлого, закаленную и развившуюся в школе опыта, с необузданной фантазией во всем блеске ее творческих сил»⁸.

Современная мировая наука, опираясь на достижения науки прошлого века и вновь осмысливая накопленные факты и сделанные выводы, создала новые науки и методологии изучения культуры человеческого общества и проблем его развития. К новым областям исследо-

ваний нашего века следует отнести, как мы уже отмечали, культурологию и цивилизациологию как науки, получившие свое развитие из книги О. Шпенглера «Закат Европы». На основе цивилизационного подхода в культурологии развивается теория типологии культур, которая призвана решать в первую очередь задачу упорядоченного описания и объяснения разнородного по составу множества объектов культуры. Особую роль играет в этом процессе система компаративных и системных методов исследований. Чтобы смоделировать цивилизацию и дать разнообразные прогнозы ее развития, важно осуществлять как задачи анализа, так и синтеза. Само же моделирование предполагает обобщение полученных данных и создание модели ее дальнейшего развития.

Возникновение теории типологии культур предполагает проблему выбора, когда имеется множество разнородных культур. Эти культуры необходимо упорядочить, чтобы описать. В теории типологии культур идет интенсивное накопление материала. Исследователь распределяет их в согласии со своей концепцией существования культур и цивилизаций по неким, выделенным им, типам. Проведение подобных исследований позволяет решить задачу воздействия на культуры при помощи неких закономерностей выделенных типов, предлагаемых автором концепции. В связи с этим мы имеем достаточно большое количество теорий классификации различных культур и цивилизаций.

Создание теории типологии культур в нашем веке представляет собой большой вклад в развитие современной общественной науки, дает возможность выйти за рамки общепринятых представлений, опираясь на реальные данные развития человеческих цивилизаций. Культурология стремится отделить один тип культуры или цивилизации от другого, соединить путем внутреннего синтеза все имеющиеся типы культур в один-единственный тип культуры. Сегодня в науке и жизни все больше и больше данных о стремлении и возможности возникновения новой единой «техногенной» цивилизации. В русле этих процессов данные науки могут оказать влияние на развитие имеющихся типов культур и «локальных» цивилизаций. В ситуации исторического развития человечества мы можем предполагать, что есть все основания говорить о тенденциях слияния человеческих культур в единую цивилизацию.

Основоположником учения о существовании «локальных» цивилизаций как новой науки об обществе стал **О. Шпенглер**. В 1916 г. в Берлине вышел 1-й том его ставшей чрезвычайно популярной книги «Закат Европы». О. Шпенглер (1880–1936) в своей книге подвергает яростной критике идею единства мировой истории и культуры. Он отрицает принципиальную возможность единства всемирно-исторического процесса, полагая, что история – это совокупность во многом самостоятельных и даже изолированных общественных образований, каждое из которых проходит свой цикл развития. Свою гипотезу он сравнивает с переворотом в общественном знании равным по своему значению с переворотом Н. Коперника.

Согласно теории О. Шпенглера, история представляет собой совокупность «локальных культур». Каждая культура уникальна и неповторима. Она имеет свою судьбу и представляет собой особую форму жизни и, как все живое, возникает, растет, расцветает и умирает. Концом развития любой культуры Шпенглер считал стадию цивилизации, в которую, по его мнению, вступила Европа. По Шпенглеру, цивилизация – это не нечто отличное от культуры, а всего лишь конечная ступень развития целостного социального образования – культуры, которая замкнута сама в себе и практически ничего не может передавать из своих достижений другой изолированной культуре. Согласно этой концепции, стадию цивилизации достигает только Европа. Она характеризуется высоким уровнем развития науки и техники, упадком в области литературы и искусства, огромным ростом городов (урбанизация).

Интерпретаторы учения О. Шпенглера полагают, что в своих размышлениях он опирается на две традиции в понимании культуры и ее истории. Одна из них – «морфологический организм» как представление культуры как организма, который как все живые организмы обладает своим строением. Другая – иррационализм в форме, близкой к символическому ирраци-

онализму Ф. Ницше, который символически различает «дионисийскую» (языческую, безликую и безличную) и «аполлонийскую» (обостренно-личностную) культуры. Шпенглер создает свою, собственную типологию культуры.

Воспринимая историю человечества как сосуществование изолированных культур, Шпенглер полагает их организмами, а историю культуры – «биографией» этих организмов. В своей книге ученый называл культуру также «прафеноменами» всякой мировой истории, которые невозможно познать, а лишь почувствовать «удивление», прикоснувшись к каждой новой культуре. Это скорее «переживание» или, используя гетевский термин, «созерцание» различных культур. Организм культуры имеет собственную систему выживания, выраженную в присущем ему символу. Исходя из идеи символа культуры, вырисовывается иная картина. Символ культуры проявляется в стилях. Они же, в свою очередь, связаны с «душой» культуры, определяют ее «судьбу». Так, к примеру, сравнивая античную культуру, которую он называет «аполлоновской», а европейскую христианскую культуру – «фаустовской», прасимволом которой является «**воля**», Шпенглер полагает стилеобразующим началом античности – вазовую живопись, фреску, рельеф, архитектуру колонн, аттическую драму. Центральным символом этого стилистического единства выступает скульптура обнаженных статуй. Прасимволом аполлоновской культуры является «тело». По мысли Шпенглера, душевной статике аполлоновского бытия противостоит **душевная динамика** фаустовской – «деятельной жизни», которая стилистически проявляется в контрапунктической музыке, математике бесконечных величин, динамической физике, католицизме иезуитского ордена, протестантизме и просвещении, машинной технике, системе кредита и династическом социально-государственном устройстве. Каждая культура (как молодая, так и давно существующая) обладает собственным символом, который обособляет культуры друг от друга, часто не позволяя спасти гибнущую цивилизацию.

Создавая **систему типологизации «локальных культур»**, О. Шпенглер основывается на символических принципах своего учения и выделяет в истории человечества восемь «культур». Из них одна заканчивает свое развитие переходом в стадию цивилизации. Всего ученый насчитывает в истории восемь культур: египетская, индийская, вавилонская, китайская, «аполлоновская», «магическая» – византийско-арабская, «фаустовская», культура майя. Он предполагает появление в будущем русско-сибирского типа культуры. Замкнутость и непроницаемость типов не дает возможности установить какое-либо единство мировой истории; постигнуть «великую культуру» можно только тому, «чья душа принадлежит к этой культуре». В труде «Закат Европы» О. Шпенглер высказывает предположение, что на стадии становления находится новый тип культуры, рождающийся на территории ареала славянской культуры, – русско-сибирский тип культуры.

Как указывалось выше, концом развития любой культуры Шпенглер считал стадию цивилизации. В этот период, к которому немецкий ученый относит Европу, народ теряет «душу культуры», происходит «омассовление» всех сфер жизнедеятельности, их омертвление, так как в период цивилизации ритм жизни массы получают от механических, лишенных души устройств. Шпенглеру кажется, что именно цивилизация побеждает пространство и отбрасывает время. Она формирует стремление к мировому господству, что представляет собой внутренний источник гибели культуры, погибающей в борьбе за мировое господство от войн. В этом состоянии, когда «душа осуществляет полную сумму своих возможностей», цивилизация, по мнению Шпенглера, может прийти к своему логическому концу.

О. Шпенглер первым предложил подобную типологию культур в западноевропейской науке. Идеи шпенглеровской концепции замкнутых культурных типов получили свое распространение в науке XX в. и сформировали основы цивилизациологии как науки. Его типологию можно сравнить с типологией английского исследователя А. Тойнби, который в своем 13-томном труде представил историю как конгломерат локальных цивилизаций, куда вначале включил 21 цивилизационный тип, сократив в последующем свою схему до 13 самостоятельных

цивилизаций. Известный социолог П. Сорокин в труде «Социокультурная динамика» сконструировал три культурных типа. В русской цивилизациологии создаются также различные типологии культур и цивилизаций, которые будут приведены ниже.

Большое значение в формировании и развитии культурологии и цивилизациологии как наук сыграли труды немецкого социолога **М. Вебера**. Его концепция «идеальных типов» предлагает не столько новую типологию культур, сколько дает новые методы изучения истории человечества, в частности «метод отнесения к ценностям в историческом значении». Концепция идеально-типических понятий М. Вебера имеет, как отмечают интерпретаторы его теории, несколько версий образования, отличающиеся процедурой формирования «холистского» (общего) и «индивидуалистического» идеального типа. Важно помнить, что Вебер отличал от этих понятий «чистый» идеальный тип, являющийся отчасти целью социологического исследования.

В ранних работах Вебер разрабатывает систему, предполагающую создание такой мыслительной конструкции, которая бы получалась путем абстрагирования от важнейших черт исторических событий. На этой основе создавалась целостная, упрощенная и свободная от деталей картина мира. Процедура образования «холистского типа» включала три основных момента. Во-первых, идеальная конструкция сравнивалась «с нечистым» объектом, и тогда идеальный тип выполнял роль ограничивающей концепции. Во-вторых, и объект, и идеальный тип рассматривались как целое, что вело, в-третьих, к утверждению возможности знания как об идеальных конструкциях, так и об историческом объекте.

Веберовский идеальный тип близок к идеальной модели, используемой в естествознании. Мыслительные конструкции, которые носят название идеальных типов, как утверждает М. Вебер, «быть может также мало встречаются в реальности, как физические реакции, которые вычислены только при допущении абсолютно пустого пространства»⁹.

М. Вебер называет идеальный тип продуктом наших фантазий, «созданным нами самими чисто мыслительным образованием»¹⁰, подчеркивая тем самым его внеэмпирическое происхождение. Именно благодаря своей отдаленности от культурной эмпирической реальности, своему отличию от нее идеальный тип может служить как бы масштабом для соотнесения с ним самой реальности. Такие понятия, как «экономический обмен», «ремесло», «капитализм», «социализм», «церковь», «секта», «христианство», «средневековое городское хозяйство», согласно М. Веберу, – идеально-типические конструкции, употребляемые в качестве средств для изображения индивидуальных исторических образований.

Таким образом, исследователь достаточно свободен в моделировании идеально-типических понятий, а его концепция имеет противоречивое основание: с одной стороны, на основе дифференциации индивидуальных событий реализуется стремление описать историческую индивидуальность, а с другой – она может быть осознана лишь как предельно общая концепция. Концепция М. Вебера стремится вооружить исследователя новыми методологическими подходами к исследованию культурных явлений.

Крупнейший немецкий философ и культуролог К. Ясперс (1883–1969) является создателем **философско-экзистенциалистской концепции развития истории и культуры** через призму проблем человеческого бытия. К. Ясперс как философ и культуролог отмежевывается от рациональной линии философии, связанной с Декартом, Гегелем и К. Марксом, отрицает возможность существования философии как науки. Истинная философия, по Ясперсу, – это прежде всего сам процесс философствования, который, в отличие от научного познания, нельзя ограничить рамками определенного предмета и метода. Философия дает ориентиры для поведения человека в мире, она способна «осветить» экзистенцию и приблизить человека к особому состоянию – к трансценденции, совершить «скачок к безусловному бытию». Для его достижения необходимо пройти три этапа трансцендирования: ориентацию в мире (осознание ограниченности только предметного его истолкования); прояснение (озаре-

ние) экзистенции (осознание души); чтение шифров трансценденции. Последний этап является собственно задачей философствующего, связанной с пониманием Бога.

Философствование (по Ясперсу) свойственно каждому человеку и направлено на установление истинной коммуникации, на то, чтобы иметь возможность высказаться и быть услышанным. «Коммуникация» – центральное понятие в философии Ясперса, позволяющее установить смысл философствования как такового, связующие человека нити с экзистенцией и бытием. Способность человека к коммуникации отличает его от всего остального сущего; благодаря ей, человек может обрести самого себя. Согласно учению К. Ясперса, коммуникация позволяет достичь цели философии – осознание бытия, освещение любви, завершение покоя. Философия и культурология Ясперса направлены на внутреннее действие, а не на то, чтобы активно вмешиваться в процессы изменения мира.

Философия истории К. Ясперса формировалась во многом под влиянием Вебера и критического отношения к рационалистическому истолкованию истории К. Марксом. В истории Ясперс выделяет четыре «среза»: возникновение языков, изобретение орудий, начало использования огня и появление высоких культур в Египте, Месопотамии, Индии и позже в Китае. Согласно К. Ясперсу, в VIII–II вв. до н. э. одновременно и независимо друг от друга в Китае, Индии, Персии, Палестине и Греции происходит духовное основоположение современного человечества. Это – своеобразная **«ось мирового времени»**, этап, на котором возникает современный нам человек со своими представлениями о присущих ему возможностях и границах осознания себя, с теми представлениями об ответственности, которые существуют и в наши дни. На этом этапе происходит становление истории человечества как мировой истории, тогда как до «осевого времени» имели место лишь «локальные истории» (цивилизации). Ясперс говорит в своей книге «Смысл и назначение истории» о том, что, вероятно, именно сквозь мировую историю человечество продвигается к новому «осевому времени», способному породить основу подлинной человеческой истории, единство человечества, такое объединение людей, при котором их взаимоотношения будут строиться на достойных человека принципах и началах. Условием этого единства должна стать приемлимая для всех политико-культурологическая форма – правовое государство, основанное на полном отказе от любых видов тоталитаризма. Идеи К. Ясперса о новом «осевом времени» предельно объемны и опираются на осознание смысла и роли человека в новых общественных реалиях.

Взгляды К. Ясперса приобретают смысл и значение особенно в связи с мировыми интеграционными процессами и становлением «техногенной», или компьютерной цивилизации и информационного общества.

В науке и философии XX века основоположником **культурологической цивилизациологии** считают **Арнольда Тойнби (1889–1975)**. Его 13-томный труд «Исследование истории» (1934–1961) представляет собой попытку уяснить смысл исторического процесса путем систематизации огромного исторического фактического материала на основе принципов культурологии.

Основой культурологической цивилизациологии А. Тойнби является культурологический плюрализм как убеждение в многообразии форм социально-культурной организации человечества, каждая из которых имеет своеобразную систему ценностей, вокруг которой складывается повседневная жизнь – от грубых проявлений до высочайших взлетов творческого воображения. До А. Тойнби, как уже отмечалось, аналогичные идеи высказывали русский мыслитель Н. Я. Данилевский (1822–1885) и О. Шпенглер.

Для первых цивилизациологических теорий были характерны определенные биологические аналогии, которые играют существенную роль в культурологических построениях, когда ученый уподобляет цивилизации природным организмам. Согласно учению А. Тойнби, общественное развитие носит естественно-исторический характер, будучи соединением свободы и необходимости. Как природный процесс, общественная жизнь предстает в виде совокупно-

сти дискретных единиц социальной организации, которые Тойнби называет «цивилизациями». Исторический процесс в этой концепции связан с природными и географическими условиями, которые создают неповторимый облик каждой цивилизации.

В терминах «философии жизни» Бергсона Тойнби выделяет основные фазы исторического существования цивилизации: «возникновение» и «рост» относятся на счет энергии «жизненного порыва», а «надлом», «упадок» и «разложение» связаны с «истощением» жизненных сил. Но не всем цивилизациям суждено пройти весь путь от начала до конца. Некоторые из них погибают, не успев расцвести, иные останавливаются в развитии и застывают в монотонном прозябании. Уникальность жизненного пути каждой цивилизации заставляет английского ученого перейти к анализу собственно исторических процессов. Это учение изложено в русском сокращенном переводе многотомного труда Тойнби «Постижение истории» (М., 1991).

При кратком изложении концепции А. Тойнби важно отметить, что развитие цивилизаций как конкретных единиц целостного общества подчиняется разработанному английским ученым «закону вызова и ответа». Само возникновение цивилизации, так же как и ее дальнейший прогресс, определяются (по Тойнби) способностью людей дать адекватный «ответ» на «вызов» исторической ситуации, в которую входят не только человеческие, но и все природные факторы. Если нужный ответ не найден, в социальном организме возникают аномалии, которые, накапливаясь, приводят к дальнейшему упадку. Создание необходимой реакции на изменение ситуации есть задача «творческого меньшинства», которое выдвигает новые идеи и самоотверженно проводит их в жизнь, увлекая за собой остальных. Эпохи расцвета цивилизации как раз отличаются тем, что власть сосредоточена в руках людей, обладающих дарованиями, заслугами и моральным авторитетом в обществе. Симптомом упадка и разрушения является момент, когда к власти приходит «творческое меньшинство», опирающееся не на дарования, а на материальные инструменты власти, и прежде всего на силу оружия. В этих условиях растет сознание несправедливости социального строя и происходит «раскол в духе». Творческая элита обращается к «древним традициям» вне их соответствия актуальному положению и ценностям общества. Она (элита) более не производит новые идеи и не может дать адекватный ответ вызову истории и Бога.

По Тойнби, на другом полюсе общества формируется «внутренний пролетариат» как слой людей, ведущих паразитическое существование и неспособных ни к труду, ни к защите отечества, которое им становится чужим, но в любой момент готовых к возмущению. На внешних границах цивилизации также появляется «внешний пролетариат» – народы, не успевшие еще сделать решающего скачка, отделяющего их от цивилизации. Строй, подточенный внутренними противоречиями, рушится под напором варварской силы. Однако роковой предопределенности в подобном развитии событий не существует: гибель цивилизации можно отсрочить посредством рациональной политики правящего меньшинства. Так, в «цивилизации западного христианства» имеются симптомы кризиса. Тойнби полагает, что существует надежда избежать печального конца или, по крайней мере, отдалить его через «единение в духе» путем приобщения к вселенской религии на основе объединения существующих мировых проповедческих культов. Через идеи мировой религии Тойнби возрождает идею мировой цивилизации.

Основной идеей цивилизационной теории А. Тойнби является положение о многообразии человеческих цивилизаций, которые **эквивалентны по своим ценностям**, но разнообразны по своей культуре и духовным ценностям. Первоначально английский ученый насчитывает 21, позднее – 26, связанных и несвязанных друг с другом цивилизаций. Среди них он выделяет десять древних цивилизаций, многие из которых либо погибли, либо «окаменели» в своем развитии. При более детальном рассмотрении Тойнби выделяет мертворожденные цивилизации: дальневосточную христианскую (несторианская в Средней Азии), дальнезападную христианскую (ирландская), скандинавскую и сирийскую. Они развивались

внутриутробно ненормально и родились мертвыми. Настораживает в учении английского цивилизациолога тот факт, что большинство цивилизаций находятся либо в состоянии умирания, либо являются «окаменевшими». Только западно-христианская цивилизация имеет определенные перспективы дальнейшего развития и включения через себя других цивилизаций в процесс образования единой мировой цивилизации.

Автором близкой к М. Веберу социокультурологической типологии культуры является американский цивилизациолог русского происхождения **Питирим Сорокин (1889–1968)**. Он отвергает концепцию цивилизаций А. Тойнби, полагая, что «цивилизация» не может быть единственной единицей исторического исследования. С большим сомнением он относится к схеме генезиса, роста и упадка цивилизаций. В книге «Социокультурная динамика» П. Сорокин излагает свое понимание развития культуры человечества и ее типологическое своеобразие, опираясь на созданную им теорию «социальной страфикации и мобильности» развития общества¹¹. В ней ученый дает более сложный и развернутый план исторической классификации культурного развития человечества. С точки зрения П. Сорокина, «всякая великая культура. есть единство, или индивидуальность, все составные части которого пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну, и главную, ценность»¹². Благодаря объединяющей единой ценности культуры в плане ее стратификации все ее важнейшие составные части (философия, право, мораль, религия) «чаще всего взаимозависимы: в случае изменения одной из них остальные неизбежно подвергаются схожей трансформации»¹³.

Однако, согласно концепции П. Сорокина, сама глубинная ценность культуры меняется в системе единого исторического развития общества, ограниченного американским культурологом анализом современных цивилизаций (от эпохи Средних веков). Процесс развития, по П. Сорокину, начинается от «идеациональной» культуры Средних веков, в которой доминирует сверхчувственное при определенном дополнении сенсорных и рациональных моментов. «Идеациональная культура Средних веков продолжала приходить в упадок, в то время как культура, основанная на признании того, что объективная реальность и смысл ее сенсорны, продолжала наращивать темп в последующих столетиях... Таким образом возникла современная форма нашей культуры – культуры сенсорной, эмпирической, светской и «соответствующей этому миру». Она может быть названа **«чувственной»**¹⁴. Анализируя современное ему общество, динамику и специфику его культурного развития, П. Сорокин приходит к выводу, что общество XX в. обьято духовным кризисом. Он пишет: «Тщательное изучение ситуации показывает, что настоящий кризис представляет собой лишь разрушение чувственной формы западного общества и культуры, за которым последует новая интеграция, столь же достойная внимания, каковой была чувственная форма в дни своей славы и расцвета»¹⁵.

На пороге XX в. П. Сорокин предрекает рождение новой культуры: «Это не означает полного исчезновения западной культуры и общества, но тем не менее предвещает одну из величайших революций в нашей культурной и социальной жизни»¹⁶.

Много раньше, практически первым русский философ и культуролог Н. Я. Данилевский (1823–1885) в книге «Россия и Европа» (1889) обосновал основополагающую для всех последующих размышлений о цивилизациях XX в. идею об аналогии между формами органической жизни и культурой. Точно так же, как живые организмы находятся в непосредственной борьбе друг с другом и окружающей средой, так и культуры рождаются, живут, дряхлеют и умирают. Цветение культуры не вечно, она утрачивает свой жизнеутверждающий пафос.

Встает вопрос: почему не Данилевский, а именно О. Шпенглер вошел в научное сознание как создатель учения о «цивилизациях»? Ответ на этот вопрос не прост, однако судьба философских и научных идей складывается прихотливо: мир обнаруживает странную слепоту и глухоту, когда дело касается открытий и пророчеств. В отличие от О. Шпенглера, который полагал

сделать в области философии истории открытие, равное коперниковскому, Н. Я. Данилевский создал теорию «культурно-исторических типов» для того, чтобы объяснить более узкую проблему – почему Европа (Запад) относится к России враждебно. Он писал: «Европа признает Россию и славянство чем-то для себя чуждым, но и враждебным»¹⁷. Эта враждебность, по мнению ученого, сохраняется, несмотря на большие жертвы и услуги, которые Россия оказывает Европе, никогда в истории не нападая на Европу.

Изучая внутренний смысл отношений Европы и России, Н. Я. Данилевский исследует культурную жизнедеятельность других стран и народов. В этом плане именно эта позиция является ведущей при ответе на заданный вопрос. Опираясь на этот фактор, Данилевский полагал, что существует множество цивилизаций, которые все вместе выражают бесконечно богатый гений человечества. Каждая из них возникает, развивает свои собственные морфологические ценности и формы, а затем погибает вместе с ними. Русский ученый разделяет все народы на три основные группы: на позитивных творцов истории, создавших великие цивилизации или культурно-исторические типы; негативных творцов истории, которые, подобно гуннам, монголам и туркам, не создавали цивилизаций, но как «божий кнут» способствовали гибели дряхлых умирающих цивилизаций; и наконец, народов, творческий дух которых по какой-то причине задерживается на ранней стадии. Вот, именно, поэтому последние не могут быть созидательной или разрушительной силой в истории. Они представляют собой этнографический материал, используемый творческими народами для оплодотворения и обогащения своих цивилизаций.

Данилевский полагал историческое существование не менее десяти цивилизационных образований. В их развитии он выделяет некоторые закономерности, на которые надо не только обратить особое внимание, но и запомнить, так как они весьма актуальны. Любое племя или народ, говорящие на одном языке или принадлежащие к одной языковой группе, представляют культурно-исторический тип, если они духовно предрасположены к историческому развитию и прошли стадию детства.

◆ Для подлинного рождения и развития культуры народ должен достичь политической независимости.

◆ Основные принципы цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам культур другого исторического типа. Каждый тип создает свою собственную цивилизацию, испытывая большее или меньшее влияние предшествующих или современных цивилизаций. Однако эта закономерность не распространяется на отдельные элементы или черты цивилизаций, которые могут передаваться от одного образования к другому.

◆ Большинство цивилизаций являются созидательными не во всех, а только в одной или нескольких областях деятельности. Прогресс человечества не в том, чтобы всем идти в одном направлении, а в том, чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности, в самых разнообразных направлениях.

Отвечая на вопрос о причинах враждебного отношения Европы к России и славянству, Данилевский видит их в том, что Европа уже вступила в период упадка, в то время как славянская цивилизация входит в период расцвета своих творческих сил. Это убеждение, разделявшееся всеми людьми творческого духа в конце прошлого века в России, устойчиво как мировосприятие и мироощущение и на рубеже третьего тысячелетия.

Возникновение цивилизациологии как науки, близкой в основе культурологии, не случайно. Эта проблема, ставшая после труда О. Шпенглера центральной при изучении истории и общества, породила, как мы уже видели, множество теорий, ведущие из которых рассмотрены выше.

Важно отметить, что наука об обществе нашего века только складывается. Ее основные проблемы выступают в различных теориях как эпистемы, т. е. гносеокультурологические ядра концепций, вокруг которых распливаются и распространяются культурно-эпистемологи-

ческие поля. Каждый исследователь предлагает как бы свое «рабочее определение», выявляющее основные принципы изучения данных вопросов.

Сегодня можно твердо констатировать, что развертывание всемирной истории предполагает не стирание цивилизационных, культурных и психологических особенностей, присущих тем или иным народам. Идея открытости истории несовместима с жестким представлением о схождении всех культурных «матриц» в некую единую усредненную точку, символизирующую магистральный путь развития всего человечества.

Мировой науке в наше время во многом ясно, что всемирная история поливариантна. Это предполагает почти одновременное существование «локальных цивилизаций», обладающих своими своеобразными культурологическими «матрицами» и придающими всемирной истории неповторимый облик. Цивилизации явно подчиняются в своем развитии основным закономерностям, открытым Н. Я. Данилевским, кроме его положения о сходстве цивилизаций и биологических организмов, хотя цивилизационные образования развиваются действительно циклично.

В качестве самостоятельной «эпистемы» для изучения всемирного развития истории, культуры и общества можно предложить следующее **«рабочее определение» цивилизации: «Цивилизация – это устойчивая система всех оснований объединения людей, их общностей и культур, опирающаяся на преобладающую совокупность технологий, информационных и ценностных отношений».** Подобное понимание цивилизации дает возможность ее глубокого изучения не как государственного или географического образования, а как «культурно-исторического типа», который не ограничен географическими или политическими границами, а имеет единое поле взаимодействия общих технологий, стягивающихся информационных полей (языка) и широкой шкалы духовных и материальных ценностей.

Создание типологии цивилизаций – задача очень сложная, и ее решение сегодня, видимо, окончательно невозможно. Однако не существует ни одной цивилизационной теории, которая не предлагала бы свою типологию мировой истории и «локальных культур». Опираясь на предложенное выше «рабочее определение» цивилизации, можно также остановиться на следующей системе типологии цивилизаций. В создании данной типологии мы опираемся в основном на труды Н. Я. Данилевского и А. Тойнби и их учеников. В этом аспекте можно выделить 21–22 цивилизации, существовавших во всемирной истории человечества, из которых 10 древних (египетская, шумерская и вавилонская (цивилизации Месопотамии), хеттская, древнекитайская, индуистская, минойская (Древняя Эгеида), андская, майанская, мексиканская), 1–2 переходных (эллинистическая античная цивилизация) и 10 современных: западноевропейская, византийско-православная, российская (русско-православная), арабо-исламская, афгано-азиатская, китайская, дальневосточная (синтоистская), индуистская, африканская и американская (северо- и латиноамериканская).

Содержательная типология цивилизаций и составляющих их основу культур может быть разнообразной, что представлено в данном учебном пособии. Среди цивилизаций существуют «циклозавершающие» и «перманентно-развивающиеся» (китайская, индуистская), «единые» – имеющие общие территории, и «дисперстные» – территориально-разбросанные (иудаистская, арабо-исламская), «традиционные» – большинство современных цивилизаций и «инновационные» – западноевропейская и северо-американская.

В многообразии истории не все цивилизации способны породить новые цивилизационные образования. Однако античная (эллинистическая) цивилизация стала переходной именно потому, что была «порождающей». Она породила западноевропейскую и две православные цивилизации. Среди современных можно выделить образования, ориентируемые на скриптоцивилизацию (традиционную письменность), и «компьютерно-информативные» (северо-американская, западноевропейская) общества.

Предложенные типологии обогащают основные критерии, определяющие понятие цивилизации, и дополняют их новыми качествами и параметрами. В наше время происходит навязывание всем народам единого технического, или информационного цивилизационного уклада, что существенно обедняет многообразие общественной динамики и стирает неповторимый облик культурного развития всемирной истории.

Данный раздел не включает анализ других разнообразных подходов к такому широкому явлению, как культура. Однако только во второй половине XX в. наиболее распространенными являлись такие ведущие подходы к ее пониманию, как теория **З. Фрейда, выражающая психоаналитическое** понимание культуры; концепция **Л. Уайт и Э. Кассирера, дающая символическое** определение культуры как совокупности символов человеческого бытия. В наше время ведущими являются теории: **К. Леви-Строса, М. Фуко – антропоструктуралистическое** понимание культуры как структуры человеческого бессознательного; **Ж.-П. Сартра – экзистенциалистская** концепция культуры как выражения экзистенции человеческого бытия; **А. Швейцера, В. И. Вернадского – гуманистическое** определение культуры будущего; **С. Лема, Э. Маркаряна – деятельное** понимание культуры как универсальной технологии по созданию стандартов, норм, традиций и творчески продуктивного плана¹⁸.

Цивилизационный подход, представленный в данном учебном пособии, понимает культуры разнообразных «локальных» человеческих цивилизаций как основы их развития, что позволяет более обстоятельно изучать глубинные культурные процессы современного развития всемирной истории человечества.

Раздел II

ИСТОРИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ. КУЛЬТУРЫ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

1. Становление человеческой культуры (культура первобытного общества)

Наука о культуре изучает, как и другие близкие к ней науки – этнография, этнология, историческая психология, антропология, – так называемые исторические «локальные» цивилизации, т. е. такие общества, от которых дошли до нас письменные источники. Однако она не может постичь истинные процессы и причины их существования и развития без познания культурных особенностей эпохи докультурного, первобытного сообщества первых людей.

Почему наука о культуре не может исключить дописьменный период человечества из своего рассмотрения? В этот период закладываются основы культурного бытия человечества. Они заключаются, во-первых, в становлении *Homo sapiens* (человека разумного), способного к абстрактному постижению мира и пассионарной творческой деятельности по созданию своей человеческой искусственной среды; во-вторых, первобытность – первооснова исторического процесса, и она присутствует в ментальности всех последующих эпох вплоть до современной. В-третьих, устная передача информации – предшественница письменной – может интерпретироваться с точки зрения последней. Наука о культуре ищет в первоначальной эпохе объяснение глубины культурной психики, основ человеческого общежития, коллектива, соседства и таких первобытных форм самовыражения, как живая речь, ритуал, магия, миф. Человек един, встраиваясь в триаду архаики, истории и современности.

В общепринятой классификации первобытная эпоха человечества (каменный век) включает **палеолит** (50–40 тыс. лет до н. э. – древний каменный век), **мезолит** (30–15 тыс. лет до н. э.) и **неолит** (новый каменный век). Палеолит разделяется на ранний (нижний) и поздний (верхний). Указанное разделение было сделано в XIX в. археологами и отражало отчасти идею о роли технологии в развитии человека, отчасти специфику археологических находок дописьменной эпохи. Неуничтожимый и изобильный камень (а в ряде случаев единственное, что можно извлечь из древнейших местонахождений) служил преимущественным эмпирическим источником датировок, классификаций, гипотез о древнейшем прошлом.

Материалы о каменном веке группируются по так называемым археологическим культурам. Археологическая культура не совпадает с культурой в философском, социологическом, этнографическом понимании. Она обозначает общность материальных памятников, относящихся к одному времени и находящихся на определенной территории. Название подобной «культуре», как правило, дает наиболее известное или первое открытое местонахождение. Оно никак не связано с социально-экономическими понятиями и не дает никакого эмпирического материала для обоснования понятия первобытной формации, так как никаких доказательств о существовании общества, общественно-экономического базиса и надстройки в целостном их понимании археологические культуры ученым не предоставляют. Понятие первобытнообщинного строя, созданное историческим материализмом, не получило распространения в мировой науке.

Принципы причисления находок к той или иной археологической культуре – эмпирические: по характерному признаку. Этнический, психологический, социальный облик носителей материальной культуры может быть реконструирован на основе аналогий, с привлечением неархеологических данных, что порождает различные гипотезы, теории и реконструкции дописьменных эпох жизни человечества. На рубеже верхнего и среднего палеолита заканчивается эволюция ископаемых гоминид и появляется *Homo sapiens*, скачкообразно увеличивается

разнообразие каменных и других орудий, появляются составные изделия: вкладыши, наконечники, сшитая одежда. Главной социальной инновацией нижнего палеолита была экзогамия – исключение из брачных отношений ближних родственников. Элементы парного брака отмечались уже у высших приматов (особенно у шимпанзе) и, безусловно, сильно окрепли у древнейших ископаемых людей, архантропов и палеантропов. Родство по определенной линии становится ведущим принципом появления «социальности» в позднем палеолите. Запрет инцеста (кровосмешения) требовал общественной регуляции брака, появились род и семья¹⁹.

Замена **эволюционного** типа развития на **исторический** принесла столь радикальные изменения в столь сжатые по сравнению с темпами антропогенеза сроки, что может быть определена как **палеолитическая революция**. Продуктом этой революции стало фундаментальное антропологическое, психофизиологическое, психосоциальное и духовное единство человечества, которое сохраняется в истории вопреки расхождениям в экономическом, политическом, социальном, языковом, бытовом развитии человеческих сообществ. В эпоху палеолитической революции человечество вдобавок к биологическому, видовому единообразию приобретает тот уровень интегрирующих связей, который называется культурой. **Культура рождается в конце древнего каменного века как целостная система**, тогда как в антропогенезе можно говорить только об отдельных зонах культурного поведения.

Археологические данные о каменном веке весьма локальны, но общечеловеческие закономерности, вышедшие из позднего каменного века, относятся к самым глубинным пластам человеческого бытия. Архаический базис цивилизации сегодня воспринимается как синоним бессознательного. Однако это бессознательное сложилось из открытий «прометеевской эпохи», т. е. начиная по крайней мере со среднего палеолита.

Вокальная коммуникация и конкретные представления ископаемых гоминид перешли в членораздельную речь и речевое мышление *Homo sapiens* в начале позднего палеолита под влиянием антропологических, экологических, технологических и психосоциальных обстоятельств. Соотношение указанных факторов далеко от ясности. Одними из первых теорий, которые пытаются объяснить эти явления, являются трудовые концепции возникновения человечества.

Трудовые теории объяснения происхождения человечества возникают уже в XVIII в. Однако наиболее полно этот подход находит в марксистской науке, особенно в трудах Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и «Диалектике природы». Внутри этого подхода существовали две точки зрения. В первом случае тезис «труд создал человека» трактовался буквально: орудие труда прямо свидетельствует о существовании сознания и культуры по крайней мере в зачаточной форме, определяя в конечном счете формирование речевого мышления человека разумного²⁰. В соответствии со второй точкой зрения, употребление орудий является общей основой очеловечивания антропоидов, но к непосредственным причинам культуры и сознания не относится. Непосредственным признаком и двигателем очеловечивания служит речь (более широко понимаемая как **знаковые системы**). Наиболее обстоятельно эта точка зрения была изложена Б. Ф. Поршневым и его школой²¹; Коммуникация ископаемых гоминид разделена у Б. Ф. Поршнева на три стадии: животной имитации, суггестии ископаемых людей и речевого общения. Каждый этап начинается отрицанием предыдущего. Ведущим фактором антропогенеза является коммуникативное взаимодействие, а не труд, как скачок ко второй сигнальной системе. Поршнев объясняет это несовместимостью двух эволюционных ветвей гоминид (мустьерцев-палеоантропов и неантропов) и необходимостью психологической защиты более продвинутых неантропов от менее развитых, но более активных и суггестивных палеоантропов.

Ученик Б. Ф. Поршнева И. У. Ачильдиев в исследованиях 90-х гг. переносит идею подобного перехода в более ранние эпохи – период столкновения неандертальцев и кроманьонцев.

Увлекательные картины их борьбы, описанные в книге «Власть предистории», малодоказательны в том, что касается описываемого автором периода. Однако некоторые идеи, в частности рассмотрение инакомыслия, религии и искусства как определяющих факторов очеловечивания палеогоминид, интересны, но, видимо, относятся к более поздним эпохам позднего мезолита и неолита. Сегодня школа Б. Ф. Поршнева в лице его учеников выражает тенденцию отхода отечественной науки о становлении человеческого общества от методологии марксизма.

Вопрос, откуда начинается культура – от австралопитеков или от кроманьонцев, три миллиона или тридцать тысяч лет тому назад, – решается сам собой, когда от умозрений начинается переход к интерпретации. **Культура начинается там, куда простирается символическая традиция, там, где уже есть материал для человеческого понимания, где уже есть свидетельства культуры – ее артефакты.**

Найденные свидетельства должны быть достаточными для того, чтобы позволить интерпретатору «вчувствоваться» в них и воспроизвести духовно-психологический склад людей той эпохи. При этом представленные доказательства должны избавить исследователя от ошибочных фантазий. Узнаваемость прошлого свидетельствует о сходстве психических и культурологических складов интерпретатора и его исторического собеседника. **Круг контактов, в границах которого налаживаются средства общения и формируются первые ценности, и называется культурой.** На периферии он размыт и как бы намечен пунктиром. Здесь происходит расширение сферы человеческого за счет архаики, сознательного за счет бессознательного.

Верхний палеолит продолжался от 35-го до 10-го тысячелетия до н. э. Археологические классификации верхнего палеолита созданы на материале местонахождений, расположенных на юге Франции и отчасти на севере Испании. Это объясняется приоритетом французской археологии в исследовании верхнего палеолита, а также тем, что здесь, в предледниковой зоне Европы, возник очаг самобытной доисторической культуры.

Наиболее известный перечень археологических культур верхнего палеолита: **ориньяк** (30–19 тыс. до н. э.); **солюстре** (18–15 тыс. до н. э.); **мадлен** (15–10 тыс. до н. э.). Наиболее яркий след этих культур – пещерная живопись.

Пещерное искусство эволюционировало в нижнем палеолите более 20 тыс. лет. Ранние художественные опыты ориньякцев скромны: отпечатки рук на краске, так называемые меандры – борозды, проведенные пальцами на влажной пещерной глине. Из меандровых линий выписываются контурные рисунки: сначала их наносят пальцами, затем какими-то орудиями. Маленькие женские статуэтки из бивня мамонта или мягкого камня! Изображения человека редки, но много знаков женского пола. Это – один из первых в истории символов. Вершиной всего палеолитического искусства была пещерная живопись мадленцев. Этим периодом датируются наиболее известные пещерные галереи: Альтамира, Ласко, Монтепан.

Из 1794 г. наскальных рисунков в пещерах Франции и Испании, учтенных французским археологом А. Леруа-Гураном, 986 – изображения животных, 512 – человека, около 100 – человекоподобных существ. Преобладают индивидуализированные изображения животных. Лошади, мамонты, бизоны первобытных галерей созданы точным восприятием, охватывающим все детали и одновременно животное в целом, твердой рукой, способной мгновенно прочерчивать мощную контурную линию. В изобразительной деятельности палеолитического человека мы видим скорее «фотографическое» запечатление образа, чем эстетическое обобщение (как в более позднем искусстве), или пиктографию. Трактовки художественной культуры и изобразительного творчества многочисленны и во многом противостоят друг другу. Так, позиция исследователя примитивного искусства В. Н. Топорова, например, достаточно своеобразна. Он полагает, что живопись палеолита – первый полноценный художественный текст. Она – свидетельство появления символического, т. е. собственно культурного взгляда на мир. Взгляд этот еще «физиопластический», основанный не столько на абстрагировании

и синтезе, сколько на способности извлекать из памяти очень яркие и детальные образы воспринятого. Способность к описанию событий словом, возможно, несколько отставала в развитии от художественно-пластических навыков древнейшего *Homo sapiens*. Косвенным подтверждением этого предположения служит расположение рисунков в галереях. Выделить какие-то композиционные принципы, за немногими исключениями, не удастся. Фигуры располагаются хаотично, одна за другой. С позиций современного искусствоведа в палеолитических «картинах» нет смысла. Но, может быть, палеолитический художник видел в нем свой сюжет?

«Физиопластическая» живопись палеолита осталась в истории культуры весьма изолированным явлением, обремененным своим существованием образом жизни мадленских охотников. После Мадлена анималистическая живопись пещерных галерей исчезает и в мезолите заменяется условным геометрическим рисунком-орнаментом. Ученые вводят дополнительные элементы в попытках реконструкции образного мировосприятия пещерных живописцев. Это рисунки бушменов – племен юга Африки. Развитие культуры бушменов прекратилось в прошлом веке под давлением неблагоприятных обстоятельств. Тогда же были выполнены их последние наскальные рисунки.

Психическая организация Человека разумного, которая возникла в нижнем палеолите и проявилась в языке, родовом устройстве, ритуалах, изобразительной деятельности, выводима из сложившегося тогда культурного типа отношений. Это – культура охотничьего типа взаимоотношений не только в смысле преобладающей производственной активности и хозяйственной основы, но и в смысле мироотношения, психического склада, эстетической традиции. В определенном смысле осколками древнейшего охотничьего мира можно считать группы лесных промысловиков в сохранившихся массивах тропических джунглей. Но эти древние сообщества, безраздельно господствовавшие над континентами, нельзя назвать жалкими. Вечные преследователи и ловцы, они энергией и выносливостью превосходили людей более спокойных занятий. Как писал В. К. Никольский, «надо почувствовать всю сверхчеловечность или, вернее, звериность их дикой энергии»²².

Порождением охотничьего отношения к миру можно назвать **магию – самую первую знаково-культурную систему организации жизнедеятельности людей**. Теории магии трактуют ее отношение к религии, тяготея к двум различным полюсам. На одном магия определяется как практическое демоническое действие, несовместимое с религией, на другом – сливается с ней. Впрочем, большинство авторов признают, что магия – это древнейшее верование и одновременно действие.

Психология магии не претендует на разъяснение содержания и социальной функции магии, т. е. не подменяет религиоведения. Модель телесного действия, порождающего из себя образы и знаки, очерчивает ядро древнейшего психокультурного комплекса, который до сих пор создает основу для массы религиозных практик и верований. В их основе – во многом убеждение в способности с помощью всевозможных манипуляций воздействовать на людей и природу. Психологический механизм производства галлюцинаторных образов не всецело совпадает с магией. По мнению многих исследователей, магия – это социально-ритуальная, частично познавательная практика. Она включалась в решение разнообразных задач, расширяла манипуляторные приемы и символические аксессуары человека. Можно говорить поэтому об исторических разновидностях магии: предрелигии, первобытном знании, чернокнижности, оккультных науках, целительстве.

Палеолитические изображения – это аксессуары ритуала. Охотничья магия репетирует появление добычи и овладение ею. Но сводить действие к тренировке принципиально невозможно. Магический образ создает «вторую реальность», которая воспринимается как подлинная, первая реальность. События инсценируются, но представляются не как инсценировка, а как подлинные. Вычленение содержания первичного магического действия приводит к определению древнейшего охотничьего культа – тотемизма. **Тотемизм** – вера в животных-прароди-

телей (в меньшей степени – в растения и силы природы). Существует практика тотемизма как первобытной системы классификации (французский структуралист К. Леви-Строс), но она не противоречит религиозному пониманию этого многофункционального явления.

Реконструкция нижнепалеолитических и мезолитических культов опирается на этнографические аналогии. Наиболее часто жителей верхнего палеолита сопоставляют с австралийскими аборигенами. Австралия – особый пример тотемизма и магии. В нижнепалеолитической картине мира образ человека заслонен фигурой зверя. Человек и зверь сливаются. Идентификация со зверем у современной личности является патологией, в каменном веке – это норма. **Симильная (контагиозная) магия** основана на том, что физическому воздействию подвергается изображение или скульптурная фигурка объекта колдовства. Точность изображения здесь не имеет значения. При так называемой **парциальной магии**, действующей по принципу часть равна целому, изображения не требуется, но необходимо что-то иметь от предмета чаровства (клочок одежды, волос, слюну, ногти и т. п.).

Магическая имитация жизни не только фокусировала в себе лучи восходящего сияния сознания, но и служила культурной проформой, в которой до времени только и могли как единое существовать религия, искусство, наука.

Доисторическая магия несет в себе опыт людей, насчитывающий десятки тысяч лет. Между поэтом-символистом начала XX в., исповедующего «магию слова», экстрасенсом наших дней, магистром оккультных наук, чернокнижником Средневековья и первобытным колдуном мало общего. Тем не менее существует стержень, вокруг которого вращается вся масса заклинаний, манипуляций, торжественных слов, таинственных обрядов. Это – живое, действующее человеческое тело. Магия, по-видимому, единственная психокультурная система, основанная на высвобождении телесной спонтанности из-под контроля социальной нормы и сознания. Магические заклинания повелительны и непонятны, они вводят участников, в том числе самого заклинателя, в транс. Звуки как бы сами произносятся гортанью; движения как бы производятся телом. Магический ритуал как бы копирует настоящее действие, но с точки зрения рассудка это – бессмысленное действие. Цель присутствует, но тут же, будто в забвении, забыты, перекидывается в фазу исполнения. Движение осуществляется без привычного нам участия сознания; тело, как в гипнозе (а часто именно в нем), делает то, что ему задано, попадая в «иллюзорную реальность», которую само наполняет эмоциями и образами.

Магия – особое, странное занятие. В ней есть все, как в настоящем действии. Это не игра. Есть цель: изгнать болезнь, поймать добычу, приворожить любимого. Действие совершается как в подлинном деле (охотничий танец), иногда – как его модель (заклинание). Участник ритуала не играет или представляет: он действует. Объект воздействия всегда присутствует: это изображение, фигурка, волосы. Первобытный человек прекрасно знает, что проткнув человеческую фигурку, он совершает убийство, и с колдуном поступают как с убийцей. Туземец не терпит фотографироваться и сообщать, как его зовут, ибо облик и имя – это не его мнение, его внешние атрибуты, это он сам. Для нас важно не то, что действия можно объяснить, придумать для них теорию. Важно, что в минуту колдовства его участники верят, что все по-настоящему. А между тем все, безусловно, не по-настоящему и нормальный человек, в какую бы эпоху он ни жил, отличает убийство от ритуала. Задача магической «теории» – объяснить участникам ритуала, каким образом их действия возымеют успех, задача магического сознания – стереть грань между реальным и магическим. В «правильной» магии участник во все поверит, как зритель, «убивший» на спектакле Отелло, чтобы спасти Дездемону.

Магия – это эпатирование натурального действия с помощью простых, натуральных знаков, манипуляций. Без минимума атрибутики магии не обойтись, но и слишком правдоподобные декорации ей не нужны, иначе она вырождается в спектакль. Источник эффектов здесь – тело и его «натуральные знаки». Древнейшему человечеству неведом барьер между духовным и телесным; жизненные отправления священны; охотники с благоговением едят мясо предка-

тотема; верующие причащаются плотью и кровью бога. Однако это социальное, а не зоологическое сообщество. В нем есть то, что мы можем называть моралью, верованиями, орудиями труда и знаками. Самостоятельное существование магии вне мифа подвергается сомнению. Однако у нас есть критерий для разделения двух стихий, или двух моментов, **мифомагии: единица магии – действие, единица мифа – слово.**

У всех известных этнографии первобытных народов ритуал так или иначе слит с мифом. **Миф** можно рассматривать как объяснение, сценарий ритуального действия. При возникновении символической деятельности в нижнем палеолите навыки рассуждающего мышления и сюжетосложения были, видимо, слабыми. Это дает основание утверждать, что пещерные изображения и символы были «заготовками», из которых потом сложилась связная, сюжетно и логически упорядоченная картина мира. По мнению В. Н. Торопова, первую законченную картину мира дает так называемое **мировое дерево** – композиция, поделенная на три пространственно-семантические зоны: верх (небо) – середина (земля) – низ (подземное царство). В трехчастную конфигурацию и входят нижнепалеолитические «заготовки», впрочем, обнаруживающие склонность к символизации еще до эпохи мирового дерева. Копытные животные палеолитических росписей становятся символами срединного царства, птицы – верхнего, рыбы и змеи – нижнего. Все, находящееся вне текстуально-знаковой системы мирового дерева, относится к хаосу и доступно пониманию только после введения в пределы правильных культурных интерпретаций.

В начале позднего каменного века появляются символы коллективного бессознательного, так называемые **архетипы**. Архетипы обладают энергией создавать символы, «они не имеют определенного происхождения; они воспроизводят себя в любое время и в любой части света.

Зрелая, или поздняя, первобытность представлена неолитическими культурами. Это – расцвет родового устройства, каменной индустрии, время появления скотоводства и земледелия («неолитическая революция»), больших поселений – городищ и деревень. В неолите появляется дошедший до нас общественно-экономический, культурный, бытовой и психологический уклад, который называется условно «крестьянской (земледельческой) цивилизацией», становится основой для возникновения «азиатского» способа производства. Основные черты – это аграрная экономика, ручной труд, минимальное потребление и простой быт, зависимость от природно-климатических ритмов, естественно-демографическая саморегуляция (хлеб насущный есть – размножаются, нет – вымирают). Идеология этого древнего образования – **миф, анимистические верования** (т. е. вера во всеобщую одушевленность мира). Основная социальная ячейка – большая семья. До XIX в. сплошь урбанизированные регионы редки, города встают островами из крестьянского океана. Мировая деревня удивительно однородна: от Атлантики до Китая – сходные орудия труда, фольклорные сюжеты, кровородственные связи и верования.

Сознание деревни направлено на поддержание этого устойчивого уклада. Историки школы «Анналов» отнесли «крестьянскую цивилизацию» к «долгой длительности» (Ф. Бродель), «спящей истории» (Э. Леруа, Ладюри). Изменения в укладе столь медленны, что людьми не воспринимаются. Жизнь подчинена ритмам природы и аграрных работ, стародавним обычаям, которые, кажется, существуют вечно. Человек тут не ждет быстрой смены событий, погоня за жизненным разнообразием и сенсациями, столь характерная для города, ему чужда. Большинство особенностей «крестьянской цивилизации» основано на том, что это: а) «экологическое» сообщество, погруженное в природу и воспроизводящее ее ритмы; б) среда непосредственного общения, где люди знают друг друга в лицо и проводят всю жизнь в знакомом окружении. Мировоззрение зрелой первобытности представлено **мифом**. Слово «миф» означает повествование, слово, речение. Мифы – это короткие рассказы о деяниях предков и происхождении вещей. Отдельные рассказы организованы в систему жизненных представлений народа или эпохи – в мифологию.

В европейской науке можно выделить около десяти ведущих теорий мифов. К наиболее ранней можно отнести просветительскую теорию. Согласно ей, миф – невежественная выдумка, следствие незнания законов природы, отсталости и страха. Мифы рассеиваются под воздействием подлинного знания. Такого мнения о мифе были некоторые древнегреческие мыслители (Аристотель), писатели-просветители XVIII в. и представители марксизма (хотя в советском обществоведении развивались более сложные и комплексные исследования мифа и теории мифологии). Согласно «лингвистической» теории мифа, миф – «особое состояние языка». Он возникает из метафор и образов древней поэзии. Сначала человек осознает условный характер своих сравнений (например, «звезды – глаза неба»), но затем по каким-то причинам забывает об условности и придает риторическим оборотам буквальное значение: небо превращается в существо со множеством глаз. Эта концепция была впервые предложена филологом М. Мюллером. В России в различной интерпретации она разрабатывалась А. Н. Афанасьевым, А. А. Потебней, А. Н. Веселовским.

По мнению создателя науки о культуре и известного этнографа Э. Тайлора, миф – продукт раннего, детского состояния человека и человечества. Нуждаясь в объяснении природы, дикарь использует доступные ему приемы. Он одушевляет мир и переносит на него все проявления своей личной жизни. Миф – это выражение некой первобытной философии и религии, каковыми является анимизм – всеобщее одушевление природы. Он предшествует и предопределяет развитие последующих форм развития культуры.

Разнообразие теоретических позиций по отношению к столь сложному предмету, как первобытное сознание, вполне правомерно. В исследованиях мифа последний определяется по контрасту с современным рациональным взглядом на мир. Иначе едва ли возможно. Однако такой подход слишком упрощен. Если экономические, социальные, культурные признаки «архаики» поддаются подробному анализу и выстраиваются в периодизации, то изучение сознания иногда просто разделяется на понятия «современное» и «примитивное» (мифологическое).

Культурно-психологическое значение первобытной эпохи заключается в том, что она закладывает основы человеческой психики, обеспечивающей непосредственную адаптацию культурно-знаковыми средствами. Задача примитивной общности – это прежде всего воспроизводство наличных форм жизнедеятельности и синкретического сознания, когда изменения отсутствуют. Они наступают только при вызове со стороны природного окружения или других общностей. Сам по себе кровнородственный коллектив, находящийся в изоляции в устойчивых природных условиях, в масштабе исторического времени практически не изменяется, что доказывается наблюдениями этнографов над «изолятами». В них происходит почти биологическое совершенствование законсервированных форм жизнедеятельности. Первобытная культура и психология – это скорее знаково (человечески) оформленный инстинкт самосохранения.

Мифология – мировоззрение общества непосредственного общения. Там, где опыт ограничен личными контактами, а цель – выживание родственного коллектива, все одушевлено и наделяется человеческими стремлениями. Различия между социальным и природным воспринимаются слабо, и весь мир – большая община родичей и соседей.

Знаменитый вопрос «**был ли первобытный человек личностью?**» вызывается, как правило, видимой современными учеными «несобранностью» биологических, социальных и культурно-психологических характеристик представителя архаики в единстве самопереживания и самосознания, где, видимо, существовали другие параметры определения «личности».

Первобытный человек живет в обществе непосредственной коммуникации, которое создает надежные и гибкие способы закрепления социального опыта, опирающегося на слово и память. Строение индивидуальной психики и соответствующих ей знаковых систем культуры обусловлено задачей надежного запоминания. Культура является мнемонизированной.

Мнемоническая функция первобытного человека принимает форму мифологической памяти, пронизанной фантастическими образами, со своей специфической системой опосредования знаковыми средствами закрепления информации.

Коллективная память дописьменного периода представляет собой сумму знаний, хранящихся в памяти живых людей, поэтому она нуждается в непрерывном повторении и заучивании фактов, составляющих ее содержание. Как можно достичь максимальной эффективности заучивания и воспроизведения материала, когда источником информации является речь, часто ритмическая и эмоционально окрашенная, когда знания существуют в виде истории богов и героев, а не в понятийной форме. Только путем идентификации с персонажами сюжета и соучастия в действиях рассказчика. Рассказ первобытного сказителя несет в себе гипнотический эффект.

Эта форма культуры и психики исключает высокое развитие индивидуального самосознания и рефлексии. Четко очерченное «Я», сопротивляющееся резким изменениям, уничтожает основу эмоциональной идентификации, которая очень важна при обучении в дописьменной культуре. Выделение рефлексивного «Я» означает конец культуры непосредственного общения. Доистория противостоит истории как непосредственность человеческих связей – их отделению от человека, естественность – искусственности, мифология – рациональности. Письменность создает биографию личности, мифология – коллективную память. Уникальность индивидуальной жизни находится вне разрешающих возможностей коллективного опыта.

Мифологический знак-жест воспринимается со священным трепетом, идущим из эмоциональных глубин личности. Миф нельзя до конца осмыслить, его жизненный смысл постигается всем существом. Разработка рационального отношения к мифу означает почти полное обездвижение тела. В первобытной культуре рациональное начало борется с мифологическим, но никогда не может победить вследствие непосредственного характера отношений в этой культуре. Явление опосредования означает отсечение индивида от стихии непосредственного внушения. Он становится индивидуальной единицей, способной противостоять психическому воздействию со стороны близких. Человек очерчивается как индивидуальная история. И История вступает в свои права.

2. Культура древнеегипетской цивилизации

Древневосточные цивилизации были колыбелью человеческой культуры. Они возникали, начиная примерно с IV тыс. до н. э., на территориях Северо-Восточной Африки, Передней Азии, Ирана и Средней Азии, Китайской равнины и полуострова Индостан. Древнейшими центрами цивилизаций Древнего Востока были древнеегипетская – на Ниле и шумерская – между Тигром и Евфратом.

На Древнем Востоке впервые появились различные науки, литература, философская мысль, изобразительное искусство, наконец письменность. Письменность способствовала взаимному обогащению народов достижениями культуры. Не только античность и Средневековье, но и новая, и новейшая эпохи унаследовали от древневосточных цивилизаций многие открытия в астрономии, математике, географии, архитектуре и строительстве.

В перечне достижений, обозначающих рубеж между историей и доисторией, чаще других фигурирует письменность. Это объясняется тем, что, во-первых, исторические науки опираются прежде всего на письменные свидетельства, поэтому предмет «история» в основном совпадает с границами массива записанных документов. Во-вторых, письменность обозначает водораздел двух культурных и человеческих эпох универсальнее, чем технологические, экологические, социальные формы. Например, древнеегипетское государство возникло и долгое время существовало в каменном веке, где этнографы уже обнаруживают подоби

Письменность расчленила жизнь на события и факты, она оказалась более приспособлена для передачи индивидуального и уникального, чем устная традиция.

Зарождение древнеегипетской цивилизации относится концу IV тыс. до н. э. – началу III тыс. до н. э. (32 в. до н. э.) и связано с появлением письменности. В эпоху, предшествовавшую образованию государства, Египет состоял из отдельных областей; в результате их объединения возникли два царства – Нижний Египет и Верхний Египет. Культура Древнего Египта прошла ряд последовательных стадий развития. Особого расцвета она достигла в эпохи Древнего (XXVIII–XXIII вв. до н. э.) Среднего (XXI–XVIII вв. до н. э.) и Нового царств (XVI–XI вв. до н. э.): это – наиболее значительные периоды в истории Древнего Египта.

Появление цивилизации Древнего Египта отражено в ее письменности. **Иероглифическая письменность**, подобно всем древним системам письма, появилась из рисунков и узоров первобытной эпохи. В эпоху архаики писец при написании того или иного слова наглядно изображал рисунком соответствующее понятие: рисуя «воду» в виде трех зигзагообразных или почти волнистых линий, изображая «гору» в виде двух гор, между которыми протекает долина или ущелье, представляя «округ» в форме прямоугольника пахотной земли, разделенной оросительными каналами на равные участки. Эта сложная картинная система письменности была наглядной, но весьма неудобной. По мере общего развития культуры язык усложнялся и обогащался формами и словами, включая множество отвлеченных понятий, собственных имен и грамматических форм, которые было трудно, а иногда и невозможно передать картинными знаками. Поэтому с усложнением языка письменность должна была упрощаться. Отдельные картинные знаки, обозначавшие целые слова, стали постепенно получать значение слогов. С течением времени картинные знаки, при помощи которых писались односложные слова или двухбуквенные корни – слоги, превратились в алфавитные знаки.

Уже в эпоху Древнего царства в египетской письменности появляется система алфавита, служившая для обозначения 24 основных звуков. Однако древнеегипетские писцы не смогли отрешиться от архаики древности и создать систему алфавитной письменности. В силу консервативных традиций египетские писцы сохранили в иероглифической письменности большое число сложных слоговых и картинных словесных знаков, обозначая многие слова картинными определителями (детерминативами) данной смысловой группы. Так, например, слово «корень» (менит) писалось при помощи слогового знака «мен», алфавитных знаков н-и-т, и соответствующего детерминатива, обозначавшего группу «растительных» слов.

Египетская письменность, таким образом, является комбинированной письменностью, где каждое слово изображалось алфавитными, слоговыми и картиннообразными знаками и детерминативами. Древнеегипетская орфография не знала строгих правил: правописание каждого слова могло изменяться в каждом отдельном случае. Единственными правилами египетского правописания было требование симметричного расположения иероглифов, т. е. размещения их прямоугольниками или квадратами. Писали древние египтяне горизонтальными строчками, которые в большинстве случаев читались справа налево, а иногда вертикальными столбцами, которые всегда читались сверху вниз. Изменения в языке происходили всегда: от создания иератик, а затем демотик до серьезных трансформаций типа языка. С эпохи Нового царства древнеегипетский становится в большей степени аналитическим, чем, как прежде, синтетическим языком. (Об этом, например, свидетельствует появление артикля. Сравните это явление с появлением артикля в русском языке.)

При оценке этих изменений необходимо учитывать, по мнению египтологов, намеренное повторение образцов «старых добрых времен», особенно характерное для тяжелых или последних периодов истории любого государства. Так, оскорбленный иноземными завоеваниями, саисский Египет восстанавливает культ царей-строителей великих пирамид, а в искусстве и письменности из долгого забвения всплывают архаические формы и иероглифы.

Первые памятники письменности египтян восходят к середине IV тыс. до н. э. На различных этапах своего развития египетское письмо претерпевало значительные изменения, но уже к середине II в. н. э. надписи, исполненные самым характерным видом египетского письма – иероглифами, перестают встречаться. Мы знаем, что в эту эпоху от кандидата на звание жреца уже не требовалось знание иероглифов. Он должен был знать лишь скорописные формы древнеегипетского письма – иератику и демотику. В следующем – III в. н. э. – и демотический язык, и письмо перестают употребляться в деловых документах, а последний раз демотическое письмо выступает в двуязычной греко-демотической надписи одного жреца богини Исиды на острове Филэ, датированной 473 г. н. э.

Древние египтяне писали иероглифическим письмом более трех тысяч лет, а через 300 лет после написания последней надписи не находилось уже человека, который разбирался бы в иероглифическом письме и мог дать правильный перевод написанного. Так, вместе с языком погибает великая цивилизация.

Три момента определяют своеобразие и особенности древнеегипетской культуры: **во-первых**, раннее зарождение там классовых отношений и государственности; **во-вторых**, изолированное географическое положение страны, что затрудняло культурные заимствования, особенно начиная с XX в. до н. э.; **в-третьих**, тесная связь искусства и религиозного культа, особенно заупокойного ритуала.

Характеризуя жизнь Древнего Египта додинастического периода, мы не будем останавливаться на культуре тех народов, которые населяли долину Нила в период от 80 000 г. до 10 000 г. до н. э. Общие черты их жизнедеятельности и культуры раскрыты нами в разделе, посвященном становлению человеческой культуры. В конце палеолитической эпохи в Северной Африке, приблизительно около 10 000 лет до н. э., резко меняются климатические условия: отступление ледников на север Европы, полоса обильных дождей переносится на север. Огромные пространства травянистых степей начинают высыхать. Первобытное население Сахары и других пустынь перекочевывает к Средиземноморскому побережью, образуя оазисы и группируется вдоль долины реки Нил и вокруг Фаюмской низменности.

Прежние первобытные охотники на основе приручения животных переходят к новому виду хозяйства – скотоводству. Они начинают (сначала в весьма примитивной форме) разводить злаки, что влечет за собой и переход к оседлому образу жизни. Это уже – начало развития «крестьянской цивилизации», основанной еще на технике обработки каменных орудий. Поселения носили хаотичный характер застройки; повседневная домашняя жизнь протекала под открытым небом. Пища варилась на кирпичных очагах, которые были расположены снаружи хижин. Началось развитие ремесел, о чем свидетельствуют одежды из ткани и украшения.

В додинастический период начинается переход от патриархального родового строя к формированию больших территориальных объединений родов и племен, приведший к образованию номов. Материальная культура второго додинастического периода показывает нам чрезвычайно быстрый рост уровня хозяйственной жизни общественных коллективов Нильской долины. Древнейший материал для орудий – камень – продолжает употребляться и в эту эпоху. Но появляется металл (медь, бронза), который идет на производство различных орудий и оружия. Уже встречаются и медные лезвия ножей, бритвы, иглы и кинжалы. В ту эпоху создается как раз то распределение территории Нильской долины между родовыми союзами, которое ложится в основу административного деления Египта периода формирования цивилизации – номы, будущие провинции египетского государства.

На основании памятников мы можем говорить о чрезвычайно резком процессе социального расслоения и выделения в обществе привилегированной родовой аристократии и военного вождя, резко противостоящего рядовым членам по своему экономическому положению.

От конца того периода до нас дошел один памятник, свидетельствующий о формировании государственности в Древнем Египте. Это знаменитая плита фараона Нармера (3500 лет

до н. э.), которая увековечивает победу верхнеегипетского племенного вождя Нармера над жителями Нижнего Египта, в войнах с которыми им было захвачено шесть тысяч пленных.

Как полагают некоторые египтологи, Нармер, возможно, тождественен с первым владыкой объединенного Египта – Менесом (Миной) (около 3400 г. до н. э.). Очень вероятно, что Нармер, а затем и Аха были именами первого царя первой династии Манефона, потому что обычно египетские фараоны в своей длинной титулатуре имели несколько имен. На этот факт указывает один из первых историков Древнего Египта – жрец Манефон. В отрывках, оставшихся от его труда говорится о «**ЗЕП ТЕПИ египтян в их стране прав**» – мифологическом Первом Времени, когда по представлениям самих египтян в долине Нила жили боги. Египтяне говорили, что это был золотой век, когда отступили воды бездны, пропала первобытная тьма и вышедшему на свет человечеству были предложены дары цивилизации. Египтяне писали о посредниках между людьми и богами – Уршу, божествах более низкого разряда, чье название означает «Следящие». Особенно яркие воспоминания сохранились о самих богах, прекрасным существах, называемых Нетеру, которые жили на земле вместе с людьми и осуществляли свою власть из Гелиополя и других святилищ, расположенных вдоль Нила. Из списков царей на Палермском камне и Туринском папирусе видно, что некоторые из списков простираются за исторические горизонты 1 династии в неизведанные глубины далекой древности. Так, указанные в восстановленном Туринском папирусе, правители, которые предшествовали первому историческому фараону Менесу (3100 г. до н. э.) Шемсу-Гор (т. е. Спутники, или Последователи, Гора) правили 13 420 лет; правления до Шемсу-Гор – 23 200 лет; итого 36 620 лет. Согласно теологии Гелиополя, в начале Зеп Тепи появилась Великая Эннеада богов Мемфиса, которая научила людей всем достижениям цивилизации. Большинство исследователей полагают, что Зеп Тепи – это мифическое время, однако сегодня ряд египтологов в поисках древнейших цивилизаций более серьезно относится к этим сведениям²³.

В культурно-экономической системе Древнего Египта впервые в истории складывается система отношений, которую условно, употребляя термин К. Маркса, можно назвать «азиатским способом производства». В эпоху Древнего царства после объединения Верхнего и Нижнего Египта вся земля страны принадлежала фараону. На ней трудились сельские общины, которые по своему составу были разнородны. Страна делилась на номы, главы которых постепенно создавали вместе с фараоном систему **«азиатского способа производства»**. **Отличительными чертами этой культурно-экономической системы** станут: **жестко централизованная государством экономика «аграрного типа», огромный бюрократический аппарат, опирающийся на особую систему идеологии, согласно которой все в Египте – от земли до египтянина – принадлежит великим богам и их волю воплощает и выполняет фараон и жрецы. Египтянин, живя в чувственно-мифологической системе осмысления мирового природного и социального порядка вещей, свято верил в справедливость власти фараона, священности строго регламентированной системы владения землей и всеми угодьями и строго подчинялся этой системе.**

С первых династий периодически по всей стране производился учет земли, скота, людей и золота. Очевидно, это были основные единицы обложения. На основе этих данных устанавливались подати, которые систематически взыскивались с населения и собирались в казну фараона при помощи целого аппарата податных чиновников и писцов. Однако на местах в номах знатные чиновники постепенно, сосредоточивая в своих руках крупные земельные владения, к эпохе Среднего царства из служилой знати превращались в наследственную землевладельческую аристократию. Если раньше крупные сановники и писцы владели землей только на основе царского пожалования, то теперь они гордились земельными богатствами, которые им принадлежали по праву наследования.

В надписях Среднего царства появляется новый характерный термин, служивший для обозначения частной земельной собственности – «дом отца моего» или «отцовское имение»,

которое противопоставляется «княжескому имению». Так, номарх Лико-польского нома и начальник жрецов Хеп-дже-фа носит звание жреца, полученное им по наследству от отца и титул правителя области, полученный от фараона. Соответственно этому и все его имущество и все его земли распадаются на две обособленные части: на отцовское имение, полученное по наследству от отца, и княжеское имение, полученное от фараона во временное владение. Владельцы недвижимости передают по наследству своим детям не только некоторые свои земли, которые считали своей частной собственностью, но и свои звания. Они с гордостью подчеркивали свое высокое аристократическое происхождение как по линии отца, так и по линии матери, нагромождая наследственные титулы, звания и должности.

В эпоху Древнего царства возникает строгая социальная иерархия. От фараона до последнего «хему» (раба) все жители страны подлежали переписи каждые 15 лет. Кадастры переписей хранились в святилищах богов-покровителей того или иного нома и постоянно обновлялись. В них фиксировалась иерархия должностей, титулов и званий, которые были в основном наследственными. Сановник передавал свою должность по наследству старшему сыну, мастер-ремесленник также занимал определенную ступень в общественной иерархии и передавал не только мастерство, но и место в социальной иерархии. В документах всех трех периодов царств четко прослеживается эта система. Так, иерархия рабочей силы на строительных работах Нового царства просматривается следующим образом: работы возглавлял «Верховный сановник». Ему непосредственно подчинялся «Главный руководитель работ», тому – «руководитель надсмотрщиков», ему – «надсмотрщики». Им подчинялись «мастера», а последним был отряд в пять человек. «Мастер» ежедневно вел учет рабочей силы с указанием неявки на работу по той или иной причине. Это было необходимо, так как оплата производилась в натуральном продукте поденно и помесечно. Каждый египтянин четко представлял свои возможности карьерного роста и получения новых должностей, титулов и наград. Только в смутные времена, периоды смены династий или каких-то других чудесных случаях, описанных в сказках Египта, иерархичность могла быть нарушена. Однако как ее стабильность, так и нарушения воспринимались как воля, каприз или произвол богов, повлиять на который люди, как полагали египтяне, не могли.

Этот порядок, сформировавшийся в эпоху становления цивилизации, позднее был освящен религией и традициями и воспринимался как священный божественный порядок, так как иерархия существовала среди богов, и никто из них не мог быть выше Ра или позднее Амон-Ра. В различных «Поучениях», которые появлялись в основном после смутных времен, главными несчастьями авторы считают утерю архивов и необходимость восстановления нарушенной иерархии как в мире богов, так и мире людей.

В смутные времена конца Древнего царства уже намечаются крупные социальные сдвиги. Они становятся заметными при фараонах XII династии в период расцвета Среднего царства. Некоторые надписи этого времени указывают на конфликты, возникавшие между номовой аристократией и центральной властью. Стремясь к объединению государства, египетские фараоны пытаются ввести в рамки неограниченный произвол чрезвычайно усилившихся номархов, заменяя старых независимых правителей областей на новых, целиком подчиненных царской власти. Одновременно с этим фараоны XII династии восстанавливают древние границы между номами. Это новое территориальное размежевание номов имело своей целью перераспределение водных ресурсов. Для этого на основании древних записей заново воздвигались пограничные камни. В своей централизованной деятельности фараоны опирались на новый слой чиновников, которые называли себя «доверенными лицами» фараона и составляли теперь его ближайшее окружение. Эта борьба во многом содействовала усилению недовольства в Среднем царстве, приводила к смутам и волнениям. В Новом царстве фараоны также стремились сохранить максимум земельной собственности и контроль за занятыми на ней людьми за государством, что приводило к конфликтам не только с номархами и другими светскими землевла-

дельцами, но со жречеством (Реформа Эхнатона). Однако процесс развития частнособственных отношений хотя и медленно, но продолжался, усиливая власть аристократической верхушки окружения фараона. Важно отметить, что тенденция сохранения большей части земельных угодий за государственным аппаратом фараона доминировала, придавая развитию экономики Египта достаточно медленный, стагнационный характер.

Определяющее влияние на формирование древнеегипетской культуры с момента ее становления и в последующие периоды оказывала **религия**. Ее основными чертами были длительное сохранение признаков фетишизма и тотемизма, т. е. объединение двух или нескольких божеств, перенесение качеств и свойств одного божества на другое, а также тесная связь с магией. Обоожествление тотемных племенных животных сохраняется на протяжении всей истории Древнего Египта: их образы сливаются с образами богов, отличительной чертой которых при священном изображении является слияние головы животного с туловищем человека. Полностью человекоподобные (антропоморфические) боги крайне редки, они исключение, но не правило: Осирис, Исида. На первое место среди культовых животных выступают бык, корова и сокол, являвшиеся, очевидно, покровителями военных набегов племенных вождей.

Культура Древнего Египта в своей сущности мифологична. В ее ранний период создаются основные мифы. Они становятся как основной общественной религиозной формой выражения ментальности древнего египтянина, так и выражением в целом его духовной культуры, воплощенной не только в обряде и ритуале, но и (в более позднее время) в литературе: сказках, гимнах, поучениях.

Основу религиозных представлений древних египтян составляет вера в загробную жизнь, что делает саму ее экономику бинарной, представляющей особый вид хозяйственной деятельности, которая дублировалась как зеркальное отражение в экономике хозяйства усопших, которое вели жрецы некрополей. Они занимались земледелием, скотоводством и ремеслом, так же как это делали бы их подопечные при жизни. На эту деятельность выделялись крупные суммы из казны фараона, вкладов, которые внесли при жизни усопшие, и доходов самих храмов некрополя.

Цивилизация Древнего Египта на протяжении всего времени ее развития представляет собой как бы повернутую назад, в прошлую жизнь, цивилизацию, в которой человек живет не для сегодняшней жизни, ее богатства и счастья, а для будущей жизни в загробном мире – мире, где вершит свой суд умирающий и воскресающий бог Осирис (Озирис). Для путешествия в загробное царство (Иалу) умершему клали в гробницу все, что ему могло пригодиться в новой жизни. Древний египтянин представлял себе загробную жизнь продолжением той, которую он вел в долине Нила, хотя и надеялся ее улучшить, о чем говорят напутственные таблички для суда Осириса.

Древний египтянин стремился стать «**маа-хэру**» – (дословно с древнеегипетского – «правдивый голос») титул, который получал усопший после суда Осириса, если ему удалось устно отстоять свою правоту и доказать свою невинность на загробном суде богов. Бесчисленное множество египтян, чьи имена мы читаем на стелах, саркофагах и на стенах гробниц, назывались «маа-хэру». Высказывалось предположение, что это лишь набожное пожелание самому себе или своим друзьям и родственникам, но это пожелание могло быть исполнено только в ином мире, так что этот термин практически является синонимом слова «усопший». Однако известны египтяне, которые имели это звание при жизни. Таков был Хуфу, когда слушал своих сыновей, рассказывавших ему по очереди истории про чародеев. Таков был Парамсес, когда Хоремхеп поручил ему управление всеми работами в храме Опета еще до того, как он стал Рамсесом I²⁴. Первым «маа-хэру» был Осирис. В «Книге мертвых» подробно расписывается его судьба и суд. Опираясь на книгу, египтяне устраивали мистерии, в которых еще во времена Геродота представляли страдания Осириса. Все, кто полагал, что его дни сочтены, либо потому, что они были стары и больны, либо потому, что получили одно из тех тайных преду-

преждений, какие Осирис посылает иногда тем, кто скоро войдет в его царство, собирались толпами в одном из указанных книгой городов для очищения от грехов. Они исполняли все указанные книгой предписания, не скупилась на жертвоприношения, и перед ними при жизни предстал суд Осириса, когда во второй части суда на чашу весов кладут сердце из лазурита с выгравированным именем, а на другую – статуэтку богини Маат, и каждый мог убедиться, что чаши сохраняют равновесие. После этого верующего торжественно провозглашали «маа-хэру» и регистрировали. Он мог быть уверен, что отныне перед ним не закроются врата в мир Осириса.

Загробная жизнь была тесно связана с мифом о сотворении мира и людей всемогущим богом солнца Ра, который к периоду Среднего царства сливается с фиванским богом солнца Амоном. Ра создает мир и множество супружеских пар богов, которые правят миром. Древнеегипетский пантеон богов насчитывал до двух тысяч богов. Сотворение мира в древнеегипетской мифологии имело различные интерпретации: как явление солнца в виде птицы феникса, или появление Вселенной из яйца, лежавшего на холме, который поднялся из Хаоса. Несмотря на различные вариации мифов, верования египтян отражали творческий характер их культуры, которые воплощали боги Ра, Птах и Осирис. И, как говорится в сказании, боги могли войти в «свои тела из всякого дерева, из всякого камня, из всякой глины». Это, по верованиям древних египтян, означало то, что боги, видя в храмах свои собственные изображения, могли поселиться в них, воплотившись в статуи. Древние египтяне не забывали ставить скульптуры, обладавшие портретным сходством с усопшим, в гробницах, считая, что душа человека, покинув «испорченное» тело, воплотится в камень, глину».

Потребность эстетического самовыражения сливается с религиозными, мифологическими представлениями вплоть до того, что они начинают определять всю духовную жизнь и ее выражения в материальной культуре.

Древние египтяне впервые в истории человеческих цивилизаций более четко, чем другие народы, сфокусировали одно из основных эстетических понятий (категорий) — «красоты, прекрасного». Однако это ведущее понятие не могло носить у древних египтян форму абстрактного, теоретического выражения. Прекрасное у жителей долины Нила почти всегда – некий конкретный предмет, реальный или нереальный. Это еще не понятие прекрасного вообще. Прекрасное в этой культуре сливается с широким постижением жизни. Жизнь как основа прекрасного представлялась древним египтянам прежде всего как реальная земная жизнь. Недаром в памятнике древнеегипетской литературы «Песне арфиста» говорится о посюсторонней жизни как о высшем благе и для богатого, и для бедняка, в поте лица обрабатывающего свой участок земли. Жизнь в качестве прекрасного выступает как жизнь богов, сыновьями и друзьями которых на земле египтяне считали царей и фараонов (от «пер-он» – большой дом). В древнеегипетских литературных памятниках мы находим фрагменты, подтверждающие сказанное, что ярко выражено в «Гимне Нилу», где Ра – «творящий все прекрасное».

Одним из ведущих мифов, как уже отмечалось, определявших во многих частностях повседневную жизнь как простых египтян, так и фараонов, был миф об Осирисе. В нем сосредоточивается как понимание древними жителями долины Нила реальных особенностей их жизни, давая им надежду воскреснуть в случае свершения ими добрых дел, так и представление о порядках царства мертвых, которым строго управляет Осирис, взвешивая сердце умершего и решая его вечную судьбу.

Непонятность, сложность мифа об Осирисе ощущались еще самими древними египтянами, так говорившими об этом боге: «Природа твоя, Осирис, темнее, чем у всех других богов». Но кто такой Осирис? Предание говорит, что он был сыном бога земли Геба, являвшегося внуком Ра, и небесной коровы Нут. Царствуя над Египтом, Осирис научил людей земледелию, садоводству и виноделию. Но был у Осириса брат, завидовавший ему, – бог пустыни

Сет. Он убил Осириса, рассеяв части его тела по всему Египту; Исида, жена и сестра Осириса, вместе с сестрой Нефтидой находят его:

*Нашли они Осириса,
Убитого братом Сетом в земле Недит...*

Сжалившись над плачущими сестрами, Ра посылает Анубиса собрать части тела Осириса и забальзамировать их. Исида зачинает от мертвого Осириса и рождает сына-мстителя Гора (с головой орла). Гор в соревновании с Сетом, установленном судом Ра, побеждает своего врага в долине, где сейчас высится Каир. Осирис остается царем и вершителем судеб в царстве мертвых, а Гор занимает престол фараона и вершит судьбы живых. Но в сознании египтян Осирис в облике фараона продолжает жить на земле: «Царь великий, украшенный белой короной».

Этот миф был записан в позднее время для греков около 125 г. н. э. Плутархом в его трактате «Об Исиде и Осирисе». Общекультурное и философское значение этого мифа заключается в следующем: а) в нем была заложена традиция обожествления цикличности развития жизни природы и человека в идее умирающего и воскресающего бога; б) в нем воплотилась идея вечности, постоянности и противоречивости самого процесса развития окружающего мира, т. е. были заложены первые основы стихийной диалектики древних; в) этот миф связывает поту- и посюсторонние миры, создавая единую неразрывную ткань человеческой и общественной жизни. Миф об Осирисе был чувственно воплощенной идеологией господствующих групп древнеегипетского общества, согласно которой период становления общества в Египте делится на три взаимосвязанных этапа: царство богов, предшествовавшее появлению первого государства; царство полубогов – додинастический период и царство людей во главе с божественной властью фараона, приравненной к власти Осириса. Люди должны были покоряться власти фараона и жрецов беспрекословно, как они покорялись бы непосредственной власти Амон-Ра или Осириса.

В этой системе жизни, подчиненной раз и навсегда установившейся традиции, огромную роль играло искусство. **Древнеегипетское искусство** подчинялось, главным образом, нескольким **ведущим принципам**. Во-первых, оно должно было, выражая идею красоты и жизненности, воплотить ее в художественной культуре: скульптуре и изобразительном искусстве. Во-вторых, как мы уже указывали выше, боги могли воплотиться в собственные статуи и изображения, которые должны были признать «своими». Это предполагало создание четких правил изображения человеческой фигуры и образов богов. Начиная с плиты Нармера, устанавливаются ведущие правила: **первое** – отсутствие профильного изображения всего человеческого тела, обязательный разворот плеч в фас, нижней части туловища – в три четверти. Это распространялось на все изображения египтян как в скульптуре, так и в барельефе, и во фреске. **Второе** – это отсутствие перспективы: египетский художник, желая передать зрителю, что отдельные изображения следует рассматривать одно за другим, отделяет расположенные друг над другом ряды людей или животных линиями. За исключением фигур фараона, крупных придворных или представителей местной знати, обычно изображаемых в рельефных композициях непропорционально большого роста, в сдержанных условных позах, скульптуры и художники чрезвычайно живо запечатлевали все многообразие движения, наблюдаемого в повседневной жизни. Они передавали все чувства человека в окружении близких ему сцен жизни: охоты, военных походов, пахоты, посева, сбора урожая, кокетливых женщин на пирах и прогулках. Эти канонические правила были восприняты много позже византийской иконописью, достаточно подходившей к каноническим принципам изображения христианских святых.

С эпохи III династии мы получаем возможность говорить не только об общих чертах социально-экономической структуры древнеегипетского общества, но и о деятельности отдельных исторических личностей.

Первым из этой династии, имеющим своим центром город Мемфис, во главе государства встает фараон Джосер, или полностью – Нетерхет-Джосер. Кроме военных завоеваний, Джосер ведет большое строительство, которое связано с именем Имхотепа, прославившегося среди своих современников как лучший ученый медик и талантливый архитектор, открывший золотое сечение. У древних греков его легендарный образ слился с образом бога Асклепия. С его именем связывают строительство великой ступенчатой пирамиды Джосера. Для своего владыки Имхотеп создал новую форму каменной гробницы. По существу это – как бы шесть уменьшающихся мастаб, поставленных одна на другую. У своего основания эта гробница еще не равносторонняя, как пирамида. Две ее стороны достигают 106 м длины, в то время как обе другие достигают 120 м. Высота всего сооружения 60 м. Внешне гробница Джосера очень близка к пирамиде, которая характеризуется равными сторонами у основания, и не ступенчатыми, а ровными боковыми плоскостями. Гробница Джосера стала первым центром «города мертвых», который постепенно разрастался вокруг Мемфиса.

Сооружение в эпоху Древнего царства усыпальниц – **пирамид** – было ярким свидетельством того, сколь велика была в Египте вера в божественную силу царя, распространявшаяся на подданных и после его смерти. Пирамиды воплотили в себе дух египетской культуры; они являются ее своеобразным символом, сосредоточением достижений древних египтян в области строительной техники и архитектуры, математики и астрономии, мифологии и религии.

В пригороде Каира (местечке Гизе) находятся три крупнейшие пирамиды Египта – фараонов Хуфу (Хеопса), Хафра (Хефрена) и Менкаура (Микерина), одна из которых – пирамида Хуфу – отнесена греками к семи чудесам света. Всего в Египте насчитывается около 80 пирамид. Самая грандиозная – пирамида Хуфу (Хеопса): ее высота – 146,6 м. Она сложена из 2 300 000 каменных блоков массой около 2,5 т каждый. Общий вес пирамиды – около 7 млн тонн. Высота пирамиды Хафра – 143,5 м, а пирамиды Менкаура – 66,5 м. До сих пор остается тайной, каким образом строители пирамид поднимали многотонные блоки на значительную высоту. Гизские пирамиды имеют единое направление осей и строго сориентированы по сторонам света. Все пирамиды имеют правильную четырехгранную форму. Они служили не только гробницами, но и мерой могущества фараона. Форма пирамиды означала вечность, а соотношение граней означало Божественную Гармонию Вселенной.

Пирамиды Гизы представляют собой не только классический тип пирамиды, но и самые загадочные творения человечества. Древние греки считали пирамиду Хуфу одним из чудес света. Ее высота 146,6 м, стороны квадрата основания: северная сторона – 230,1 м, западная и восточная – 230,2, южная – 230,3 м. Это означает, что разница между самой длинной и самой короткой сторонами составляет около 20 см, т. е. меньше 0,1 %. Очень немногие современные здания имеют по краям «правильные» стороны. Древние строители пирамиды нашли способ уменьшить эту погрешность до «почти ничего». Так, юго-восточный угол немного не дотягивает до прямого и составляет $89^{\circ}56'27''$. Размер северо-восточного угла $90^{\circ}3'2''$. Точность выдающаяся. Сегодня у специалистов нет убедительного разъяснения, каким именно образом строителям пирамиды удавалось добиваться такой высокой точности. Необыкновенной является кладка Великой пирамиды. Ряды с первого по восемнадцатый, высота которой равномерно уменьшалась со 141 см на уровне земли до 58 см в 17-м ряду, подчинялись инженерной логике, согласно которой следовало бы постепенно уменьшать размер и вес блоков, затаскиваемых наверх по мере роста пирамиды. Однако с 19-го ряда высота блоков подскакивает до 91 см. Одновременно остальные размеры блоков тоже увеличиваются, и их вес растет с относительно транспортабельной величины 2–6 т в первых 18 рядах до гораздо менее удобных в 10–15 т. Эти монолиты вырубали из известняка целиком и поднимали в воздух на 30-метровую высоту, прежде чем точно уложить на место. Сложно представить себе, какая согласованность должна была быть между каменотесами и каменщиками, чтобы обеспечить необходимый поток материала на стройплощадке, или, если всего один блок в 2,5 т свалится, допустим, со 175-го ряда.

Трудности физического и организационного плана кажутся почти непреодолимыми, особенно когда есть еще проблема соблюдения геометрии пирамиды, которая должна быть сложена таким образом, чтобы вершина оказалась точно над центром основания. Незначительная ошибка в угле наклона одной из боковых граней у основания могла привести к значительному расхождению ребер у вершины. Поэтому при строительстве великих пирамид нужно было выдерживать исключительную точность при кладке каждого ряда в десятках метров над землей, работая с каменными блоками угрожающего веса. Сегодня существует более 30 гипотез, пытающихся ответить на вопрос о технике создания великих пирамид, однако ни одна не дает точного ответа.

Облицовка пирамид не сохранилась, погребальные камеры с саркофагами давно разграблены. Однако время не в силах нарушить идеально устойчивую монолитную форму этих сооружений. Вход в пирамиду находился на северной грани, внутрь вел низкий коридор, причем угол наклона пола коридора был равен тому углу, под которым можно было видеть Полярную звезду, куда по представлениям египтян, направлялась душа умершего. Пирамида была не просто надгробным памятником, а настоящим домом, в котором поселялся умерший фараон. Согласно религиозным воззрениям египтян, фараон как живой бог имел несколько душ. Одна из них – Ка – продолжала оставаться в теле и после смерти; причем благополучие в загробной жизни зависело от степени сохранности тела усопшего. Именно поэтому тело умершего мумифицировали: внутрь его вливали особый состав, который растворял ткани (внутренние органы, за исключением сердца, предварительно извлекались и хранились в специальных сосудах). Далее тело на 70 дней погружалось в щелочной раствор, затем обвивалось льняными промасленными лентами, длина которых достигала 100 м. Между слоями лент помещались драгоценности (что, собственно, и привлекало грабителей). После этого мумию помещали в саркофаг.

Стены погребальных камер богато расписывались сценами из жизни фараонов, а в гробницу ставили каменные или деревянные скульптуры-двойники на случай, если мумия не сохранится. В них должна была вселиться душа – Ка. Изготавливались погребальные маски (часто из золота), воспроизводившие черты умершего. Портретные статуи и маски дали начало одному из важнейших достижений египетского искусства – искусству скульптурного портрета.

Свидетельство Геродота о технике создания пирамид относится к более поздним временам, чем само строительство пирамид. В его рассказе они предстают как творения человеческих рук. В эпоху Средневековья появляется сначала легенда, а затем теория их космического происхождения. Несомненно лишь одно, что пирамиды (греческое «пюрамис») были не только заупокойным храмом, но и служили другим религиозным, политическим и научным целям. В них существовали комнаты, хранившие архивы династии. Последние раскрыли бы нам много интересных и новых фактов из жизни Древнего царства. После великих пирамид строительство подобных сооружений прекращается и, хотя в Египте присутствуют множественные комплексы, включающие пирамиды, они значительно меньше и примитивнее пирамид Хуфу, Хафра и Менкаура, составляющих самый загадочный некрополь в мире.

Древние египтяне были искусными строителями не только храмов и пирамид, но и гражданских сооружений. **Города Древнего Египта** строились из кирпича-сырца и сегодня превратились поэтому в пыльные холмы, усеянные черепками глиняной посуды и мельчайшими осколками. Огромный вред и новые разрушения нанесли местные жители, которые использовали «себах» – вековую пыль из руин мертвых городов, а также прирастали к поискам древностей. Изначально большинство городов было недолговечно. Их строили по повелению фараона и, если он умирал или завершалась династия, новая династия часто начинала историю своего царствования как бы сначала, отстраивая новый город, куда уходило большинство населения старых городов. Наиболее древний город Хут-хетеп-Сенусерт, воздвигнутый фараоном Сенусертом II в Фаюме, просуществовал менее столетия. Второй город Ахетатон стал

резиденцией Эхнатона после его разрыва с фиванским жречеством. Он исчез почти полностью после того, как преемник Эхнатона Тутанхамон вернулся в Фивы. Таких возникающих и исчезающих городов-призраков было много в истории страны. Многие города существовали более длительные сроки, как Мемфис, Фивы, Абидос и др. Город обносился высокими городскими стенами. Храм располагался за их пределами. Мощная стена разделяла город на две части: одна отводилась богатым, другая предназначалась для бедняков. Квартал бедноты прорезала улица в 9 м шириной, которые пересекали под прямым углом многочисленные узенькие переулки. Дома стояли так, что их фасады выходили на улицу, а задние стены смыкались друг с другом. В квартале богачей улицы были широкими: они вели к дворцам высших сановников. По площади дома превосходили примерно в 50 раз дома бедняков. Дворцы вельмож были окружены богатыми садами. При раскопках Ахетатона археологов поражала роскошь домов и их интерьеров. Жилые дома знати представляли собой значительные и великолепные сооружения. Об их внешнем виде можно судить по саркофагам, которые (как, например, у фараона Микерина) имели вид его дворца. Ниши, арки, продольные окна, фрески, орнаменты, украшавшие стены дворца, придавали ему пышный и помпезный вид. Дворцы располагались в зелени садов, что свидетельствует о знании египтянами садового искусства. Важно помнить, что на противоположной стороне Нила выстраивался город мертвых – некрополь, который застраивался по такому же плану, что и город живых. Сохранившиеся города Египта поражают своей грандиозностью и великолепием.

Появление колонн в древнеегипетском зодчестве хорошо прослеживается по недавним раскопкам в Саккаре вокруг пирамиды Джосера. В храмовом зодчестве эпохи V династии уже широко применяются колонны. В заупокойном храме в Сахуре использованы как простая цилиндрическая колонна, так и колонны со стилизованными растительными элементами. Пальмовые колонны венчает крона из пальмовых листьев. Из них, видимо, сформировались колонны коринфского ордера. Другие типы колонн снизу доверху представляют собой как бы связки стеблей папируса и лотосов, в верхней части заканчивающихся бутонами. Позже возникают колонны протокариатиды – столбы с прислоненной скульптурной фигурой фараона или бога Осириса; колонны с двусторонними или четырехсторонними капителями, изображающими на каждой плоскости голову Хатор, и, наконец, так называемые протодорические колонны, которые, видимо, позаимствуют в будущем древние греки.

Характеристика скульптурного искусства подчеркивает скованность и условность поз, к которым обязывала скульпторов социальная принадлежность заказчиков. Скованность человеческой фигуры в статуях и фресках пропадает, когда художник изображает представителей других слоев египетского общества. Вершиной реалистического искусства являются деревянная статуя деревенского старосты Каапера и каменная статуя сидящего писца, хранящаяся в Лувре.

Осуществлять строительство таких сооружений было невозможно без определенной суммы научных знаний. Наука в Древнем Египте служила по большей части культовым целям. Египетская математика носила прикладной характер: развивалась геометрия; было открыто золотое сечение. В эпоху Среднего царства был создан математический папирус, хранящийся в ГМИИ в Москве. Чрезвычайно рано, по-видимому, около 4241 г. до н. э., египтянами на основе наблюдения небесных светил было установлено достаточно точное исчисление времени, введен в общественную практику календарь. Египетский год равнялся 365 дням. Началом нового года было 19 июля нашего календаря. В этот день при восходе солнца на восточном горизонте появляется яркая звезда Сириус (по-египетски – Соптет, по-гречески – Сотис). Египетский календарь, построенный на годе Сириуса, был почти равен солнечному году, и, таким образом, гражданский год отставал в каждые четыре года на один день. Следовательно, лишь один раз в 1460 юлианских лет восход Сириуса мог совпадать с началом гражданского года египтян. Египтянам эта неточность была известна, и они этот период в 1460 лет называли великим периодом

Сириуса. В египетских письменных источниках часто отмечалось, в какой день гражданского календаря наблюдался восход Сириуса, и это послужило современным ученым базой для астрономически точного определения исходных пунктов хронологии египетской истории.

К этому времени относятся «Тексты пирамид», которые представляют собой один из ранних образцов религиозной литературы, с периода Древнего царства. Многочисленные мифы, религиозные песнопения и магические заговоры канонизируются в письменной, чрезвычайно хаотичной форме в надписях на стенах внутренних помещений пирамид царей V династии.

В эту эпоху складывается **литература Древнего Египта**. Она восходит своими корнями к началу Древнего царства (середина IV тысячелетия). В большинстве случаев литература этого периода анонимна. Традиция окружает ореолом святости вымышленные или полупоэтические имена древних мудрецов, которым приписывается та или иная повесть, сказка или поучение. Иногда сохранились имена писцов, которые переписывали, слегка изменив, добавив или снабдив комментариями древний литературный или религиозный текст. Религия и жречество считали священным то, что выдержало бремя тысячелетий и создало «классический» фонд культурных ценностей. Наиболее яркого развития литература достигает в эпоху Среднего царства, которое считается временем расцвета «классической» литературы. В ней выделяется устное народное творчество, особенно трудовые песни, тексты которые сохранились на стенах древнеегипетских гробниц. К концу Среднего царства относится текст папируса Весткар, содержащий сборник сказок о чудесах, совершавшихся при дворе фараона прославленными чародеями. Особенно характерен рассказ о чудесном рождении царей V династии от солнечного бога и жены жреца. В литературной форме оправдывается захват власти первыми фараонами этой династии. Этот сборник сказок написан литературным языком, типичным для того времени. В эпоху Рамсесидов появляются «Сказка о двух братьях» и «Сказка о правде и кривде». В обеих сказках главным героем является невинный и праведный страдалец. В «Сказке о двух братьях» он носит имя «Душа хлеба», а в «Сказке о правде и кривде» он называется отвлеченным понятием «Правда». Их основная мысль – конечное торжество добра, несмотря на те лишения и страдания, которые претерпевают герои.

Особое место в литературе занимают мифы. Они пронизывают всю прозу и поэзию, в которых боги выступают наравне с героями живыми персонажами. В эпоху Среднего царства появляется новый литературный жанр, описания путешествий с элементами фантастики. Это самые ранние предшественники приключенческих романов. Среди них выделяется «Рассказ о потерпевшем кораблекрушение»²⁵, герой которого, типичный представитель среднего класса того времени («неджес» – маленький), рассказывает о своем путешествии к «рудникам царя». Страшная буря заносит его на сказочный остров, где правит гигантский змей. Хозяин острова успокаивает путешественника и отпускает с дарами домой. Еще более реалистичен и житейски прост «Рассказ Синухерта», в котором рассказывается о злоключениях сановника, бежавшего в Сирию, и о его жизни в иноземной стране. Этот рассказ, своего рода автобиография египетского вельможи, после литературной обработки превратился в прекрасное произведение. Оно было настолько популярно, что до нас дошло несколько списков и обрывков этого классического текста. К этому жанру относится «Путешествие Уну-Амона» в Сирию, описывающее в литературной форме злоключения египетского писца в эпоху Нового царства.

Особое место в литературе занимала как религиозная поэзия, так и гимны фараону. Среди первых особо выделяются гимны богу Атону, созданные в эпоху царствования Эхнатона. К ним примыкают гимны в честь обоготворенного царя, такие как «Гимн Сенусерту III» (Среднее царство). От эпох Тутмоса III и Рамсеса II сохранилось множество гимнов. Некоторые были настолько популярны, что их тексты неоднократно переписывались в более поздние времена и снабжались именами позднейших царей. Своего рода развернутой формой гимна фараону является известная «Поэма о битве при Кадеше». Важно выделить также произведения дидактической литературы – так называемые «Почтения», которые содержат

много исторических сведений, заключенных в литературную форму. В этот период литература достигла высокого художественного совершенства. Литературные произведения, как поэтические, так и прозаические, облекались в строго ритмическую форму. Большое значение придавалось музыкальному благозвучию, так как многие произведения распевались под музыкальное сопровождение. В связи с этим появились первые художественные приемы поэтического оформления речи: рефрены, ассонансы, аллитерации, внутренние созвучия. Эпистолярное творчество египтян дает основания говорить о художественной критике, когда один писец строжайше критикует послание от другого писца. Литература Древнего Египта очень живо отражает жизнь страны и ее народа, сама являясь во многом вершиной его творчества.

Долгие годы правления VI, VII и VIII династий (2625–2445 гг. до н. э.) положили начало распаду египетского государства. В стране возникают сложные противоречия: усиление общегосударственной власти было вызвано заинтересованностью рабовладельческой знати в сильной тиранической власти, но это вело к уменьшению сил и материальных ресурсов по отдельным областям. Возникает сопротивление, оказываемое со стороны местной знати единой государственной власти. Уже в период XI и X династий общегипетская власть становится лишь призраком. Она концентрируется в руках владельцев Гераклеопольской области, провозгласивших себя фараонами. Мемфис теряет свое значение. Главным городом становится Гераклеополь. Начинается Среднее царство.

К области культуры Среднего царства мы можем отнести следующее:

- ♦ в этот период было создано первое, дошедшее до нас сочинение на политическую тему, которое облечено в форму поучения гераклеопольского царя своему сыну Мерикара. Оно показывает, что в эпоху смутных времен человечество впервые выражает потребность в специальной политической литературе;

- ♦ новые властители делают попытку укрепления своей власти путем религиозных реформ, когда на первое место выдвигается фиванский бог Амон, приравненный к богу солнца Ра; об этом свидетельствуют дошедшие до нас моления жрецов. Особую роль в эпоху Среднего царства сыграло правление фараона Аменемхета III. Им, по сообщению жреца Манефона, было построено гигантское сооружение, нетипичное для архитектуры Древнего Египта. Древнегреческие путешественники называли его «лабиринтом». По мнению греческого географа Страбона, это был огромный дворец, который имел множество залов, и каждая из сорока двух египетских областей имела свои залы, где были помещены статуи богов, почитавшиеся в этих нотах. Аменемхет III, построивший этот полудворец-полухрам, стремился собрать в нем все области воедино. Лабиринт становился как бы единым религиозным и политическим центром;

- ♦ лабиринт свидетельствует об изменениях в культуре и искусстве Среднего царства, хотя эта эпоха не создавала необходимых условий для оживленной деятельности египетских художников. Возникает мемфисская придворная школа архитекторов и скульпторов. Они внесли новую черту в храмовое строительство, связанную с изменением характера солнечного культа: обелиск сменяется антропоморфными статуями бога солнца;

- ♦ мемфисская школа архитекторов создает новый тип гробниц: храм Ментухотепа II в Дейр-эль-Бахри. Этот храм сочетал в себе два древних типа погребальных сооружений – пирамиды и мастабы. На высокой площадке, вырубленной в скале, была возведена мастаба, окруженная двумя рядами колонн, а на этой мастабе возвышалась пирамида. По отлогому каменному спуску можно было подняться в храм; по обеим сторонам спуска площадка была также обнесена двумя рядами колонн. Принципы ступенчатого храма Ментухотепа и его колонн легли в основу архитектуры Нового царства;

- ♦ в Среднем царстве происходит все больший отход от принципов аристократического канонического искусства к реалистическим формам народного творчества.

Массовые движения низов, мятежи и выступления против, казалось бы, навсегда установившихся порядков власти фараона и его знати, не были редкостью для Древнего царства, но

они лишь как эхо доходят до нас в древних надписях и папирусах. К концу первого тысячелетия существования Древнего царства эти выступления стали столь сильными и регулярными, что они во многом содействовали крушению господства Мемфиса. После долгих лет правления Аменемхета III фиванская династия завершается. Его сын после десяти лет царствования оставил престол (за неимением сына) своей сестре Себекнефруре (1792–1788 гг. до н. э.). То, что на престоле древневосточной династии в течение хотя бы нескольких лет была женщина, говорит о том, что начался период жестоких смут. Всю XIII династию Среднего царства терзали смуты, «подготовившие» его падение.

Проблема признаков надвигающихся бедствий угасающей цивилизации, причин ее разрушения и гибели – одна из интереснейших и важнейших в культурологии и цивилизациологии. На примере Древнего Египта мы можем отметить ряд подобных признаков. Одним из них является активизация деятельности различных группировок правящей элиты в борьбе за расширение не только политической, но и экономической власти против жестко централизованной власти фараона. К этой борьбе подключается жречество: начинается «борьба богов». Эпоха смут с ее неустойчивостью и непостоянством, когда становится невозможным стабильное существование «крестьянской цивилизации», нищета и гнет порождают выступления низов, о которых пророчествуют древнеегипетские жрецы Ипувер, Нофрех и др. Им остается только восклицать: «Хорошо, когда руки людей строят пирамиды, копают пруды, делают древонасаждения для богов, когда уста полны радостью и знатные стоят и глядят на ликование в своих домах»²⁶.

Во внутренние проблемы Среднего царства втягиваются соседние варварские племена, с выступлениями которых фараоны вынуждены вести постоянные войны, истощавшие страну и ослаблявшие деспотическую власть, веры в которую уже не было у простых египтян. Выходцы из новых слоев, описанных в пророчестве Ипувера, эти фараоны не были чтимы и подготовили нашествие гиксосов – народа, происхождение которого, судя по текстам, было неясно для самих египтян. Это были племена азиатского происхождения, сделавшие главным богом Сета. Передняя Азия после завоевания Египта гиксосами тесно столкнулась с его культурой. В период их правления впервые была сделана попытка выбрать из египетских иероглифов алфавитные знаки для семитических языков. Этим алфавитом был выполнен ряд надписей у Синайского рудника. Позже он лег в основу финикийского алфавита, который, в свою очередь, повлиял на выработку греческого алфавита.

Среднее царство имело свои завоевания в области науки. В военной области появились лошадь и боевые колесницы, которые не были известны в Египте до гиксосов. Расширились познания египетских мудрецов, учениками которых полагали себя древние греки. Опубликованные в тридцатые годы нашего века папирусы – математический, изданный Струве, и медицинский папирус Эдвин Смит, изданный Брестедом, – говорят о высоком уровне развития древнеегипетской науки. В области математики египтяне уступали вавилонянам, но имели свои достижения. Они, однако, «тонули» в богословских измышлениях. В период Среднего царства влияние жречества на науку уменьшается, о чем свидетельствует медицинский папирус. Древнеегипетская цивилизация в полной мере может быть названа цивилизацией «сердца». Египетский врач еще не знал о кровообращении, но уже знал зависимость температуры тела от деятельности сердца, знал что сердце «говорит в каждом сосуде каждого члена». Развитие науки многое меняет в жизни страны, ее религии и культуре, готовя серьезные изменения в Новом царстве.

Новое царство рождается в период второго возвышения Фив, когда сохранившаяся в Фивах египетская знать заключает союз с другими монархами. Этот период был временем высшего политического, экономического и культурного расцвета Египта. Победоносные войны фараонов далеко отодвинули границы Египта на северо-восток до Сирии. Фараон Тутмос I дошел со своими войсками до верховьев реки Евфрат. Египетская культура активно взаимо-

действовала с культурами соседних народов, а положение Египта как мировой державы создало особый величественный стиль новой архитектуры.

Град Амона – Фивы – становится одним из самых блистательных городов Древнего Востока. Украшением Фив были грандиозные дворцы фараонов, великолепные виллы, величественные храмы, определявшие архитектурный облик Египта. В течение нескольких веков строились и достраивались **знаменитые храмы Амона – Ра в Карнаке и Луксоре** в восточной части Фив. Если древняя пирамида уподоблялась горе, то эти храмы напоминали дремучий лес, где можно было затеряться. От Луксора к Карнаку вела длинная, почти в два километра, прямая дорога – аллея сфинксов. У входа во двор храма высились обелиски (один из Луксорских обелисков стоит ныне в Париже на площади Согласия); мощные пилоны образовывали портал, возле пилонов стояли скульптурные колоссы. Из открытого двора, окруженного колоннадой, путь вел в сумрачный колонный зал, а из него – в святилище с кладовыми. Такой план храмового здания был типичным для подобных сооружений Нового царства. Колонный зал Карнакского храма, самого крупного храмового сооружения Древнего Египта, и был настоящим лесом: мощные колонны (папирусообразные, лотосообразные, пальмообразные) имели высоту свыше 20 м, а диаметр – около 5 м. Общее число колонн равнялось 134. Нижние части стен Карнакского святилища были украшены растительным орнаментом, а потолок расписан изображением золотых звезд на темно-синем фоне. В храмах помещалось много статуй; стены, пилоны, обелиски и колонны были покрыты рельефами и иероглифическими надписями. Карнакский храм иногда называют каменным архивом Египта. Карнакский и Луксорский храмы поражают своими размерами и свидетельствуют о своеобразной тяге архитекторов Нового царства к гигантомании, культу грандиозного. Из других, наиболее известных храмов Нового царства выделяется расположенный на трех обширных террасах поминальный храм известной в истории Египта женщины-фараона Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри.

Период правления Хатшепсут был эпохой, четко охарактеризованной самой придворной литературой: эпохой мира, путешествий, создания новой скульптуры и живописи.

Тяга к колоссальному прослеживается и в скульптуре Нового царства. Перед входом в храм Аменхотепа III на окраине Фив были установлены огромные сидящие статуи фараона из цельных блоков красноватого песчаника высотой около 20 м каждая (колоссы Мемнона). От колоссов к берегу Нила была проложена дорога, предназначавшаяся для религиозных процессий, по обеим сторонам ее стояли каменные сфинксы, имеющие портретное сходство с Аменхотепом III.

В истории эпохи Нового царства был весьма кратковременный период, который, однако, произвел переворот в политической и религиозной жизни Египта, а также в его искусстве.

В XV в. до н. э. в Египте правила 18-я династия фараонов, одним из представителей которой был Аменхотеп IV – яркая фигура египетской истории. В периоде его правления произошел конфликт фараона с могущественным фиванским жречеством Амона, влияние которого представляло угрозу царской власти. Чтобы разом покончить с влиятельными жрецами, Аменхотеп IV установил для всеобщего почитания культ божества солнечного диска – Атона. Все другие культы, в том числе и Амона, запрещались, тем самым вводилось единобожие (монотеизм). Бог Атон, в отличие от прочих египетских богов, не имел изображения (ни антропоморфного, ни зооморфного), его символом был солнечный диск с отходящими от него лучами, заканчивающимися простертыми ладонями.

Культ Атона был, по сути дела, простым ясным культом самого животворящего Солнца. Богослужение совершалось под открытым небом, храмы Атона были открыты для всех. Чтобы искоренить даже память о ненавистном ему Амоне, Аменхотеп IV меняет свое имя на **Эхнатон**, то есть угодный Атону, и основывает новую столицу и религиозный центр – **город Ахетатон (в переводе Горизонт Атона)**, куда переезжает со своим двором.

Он удаляет приверженцев старых культов, окружая себя художниками и поэтами. Смело ломает Эхнатон и традиционные правила в изобразительном искусстве: от живописцев и скульпторов он требует не следования канону, а лишь служения истине. Это был вызов, так как на место статуям старых богов и скульптурным изображениям фараонов, непременно приукрашенных, трафаретных, спокойно-величавых, с выражением на лице неземного величия, пришли реалистические (иногда доходящие до гротеска), динамичные, очень естественные изображения самого Эхнатона, членов его семьи, приближенных фараона-реформатора. Искусство приобретает невиданные до этого формы и черты. Появляются изящные рельефы, многоцветные росписи, изображения бытовых сцен, простых людей. Амарнский период создал целую галерею скульптурных шедевров – портретов. Вот сам Эхнатон – узкое лицо с раскосыми глазами, большая голова неправильной формы, короткие худые ноги. Его портреты выполнены с потрясающей психологической достоверностью. Часто фараона изображают в домашней непринужденной обстановке, на фоне чарующих пейзажей. Всемирно известным стал портрет супруги фараона – царицы Нефертити в высоком головном уборе; он стоит в ряду поэтичнейших женских образов, созданных мировым искусством.

Амарна была стимулом и для появления уникального явления на Древнем Востоке – некультовой любовной лирики, которая вместе с реалистическим скульптурным портретом значительно отличалась от традиционного искусства Древнего Востока, напоминая скорее светское искусство Западной Европы.

Религиозная реформа Эхнатона ненадолго пережила своего творца. Она встретила глухую оппозицию не только жрецов, но и широких масс народа. Уже его ближайший преемник Тутанхамон восстановил прежний культ Амона – Ра. В одном из папирусов 19-й династии Эхнатон был назван мятежником, а имя его предано проклятию. Но произведения амарнского стиля встречаются в скульптуре и живописи времени фараона Рамсеса II (XIV–XIII вв. до н. э.) и даже в более поздние периоды. Они исчезли только в период упадка Египта.

Амарнское искусство насквозь пронизано светскими мотивами и жизнелюбием и этим сильно отличается от традиционного искусства Древнего Востока.

После Амарнского периода усиливается начавшаяся еще при Аменхотепе III своего рода гигантомания в храмовом строительстве, которая проявилась в сооружении статуй-колоссов. Самый большой заупокойный храм, развалины которого сохранились до наших дней, приказал построить Рамсес II. Это знаменитый Рамсессеум на западном берегу Фив. Там до сих пор стоят десятки колоссальных колонн, а посреди образуемого ими двора лежит огромная разбитая статуя Рамсеса, достигавшая 17 м в высоту и весившая более 110 т. Рамсес II был одним из самых знаменитых фараонов Древнего Египта. Он провел на троне 66 лет и построил больше храмов и городов, чем кто-либо из правителей до него.

Особым типом храмового зодчества в эпоху Нового царства стали храмы, вырубленные в толще скалы. Их называют скальными, или пещерными, храмами. Одним из самых известных является заупокойный **храм Рамсеса II в Абу-Симбеле**. Фасад храма развернут к Нилу. По обе стороны узкого входа возвышаются четыре сидящие статуи фараона 20-метровой высоты. Внутри скалы на глубине 55 м вырублены многочисленные помещения, воссоздающие классический тип египетского храма (открытый двор, колонный зал, святилище). Строительство заупокойного ансамбля Рамсеса III в. Мединет-Абу (20-я династия), напоминающего крепость, завершает эту блестящую эпоху храмового зодчества.

Фараоны Нового царства не строили больше пирамид. Усыпальницами им служили подземные **гробницы знаменитой Долины царей** в западной части Фив. Ныне известно около 60 таких гробниц. Самой монументальной является скальная гробница Сети I с великолепными росписями и тысячами статуй. Гробницам фараонов Нового царства полагалось навеки быть скрытыми от глаз людей. Их тщательно маскировали, вход в гробницу замуровывали. Но и это не спасло их от грабителей. Почти все скальные гробницы, содержавшие несметные сокро-

вища, были разграблены еще в древности. Единственная, оставшаяся почти нетронутой, – **знаменитая гробница Тутанхамона**, открытая английскими археологами в 1922 г. и показавшая всему миру бесчисленные богатства фараонов: золотые и позолоченные статуи, золотой саркофаг, золотая маска фараона, богато разукрашенное оружие, драгоценные камни, алебастровые сосуды. Открытие гробницы Тутанхамона стало археологической сенсацией. Общий вес золота, обнаруженного в этой гробнице, превысил тонну!

Древние египтяне очень любили музыку. Она сопровождала жизнь древнего египтянина от рождения до смерти. Однако «музыкальные» папирусы практически не зафиксированы египтологией. О музыкальных увлечениях и инструментах известно по многочисленным росписям гробниц и храмов. Согласно им, в Древнем Египте существовало целое сословие музыкантов, которые в зависимости от таланта услаждали слух от дворца фараона до простого ремесленника. Флейта, арфа и гобой появились в эпоху пирамид. Они звучали то вместе, то по двое – в любой комбинации, то поодиночке. Ритм при этом отбивали хлопаньем в ладоши. Начиная с Нового царства, музыкальные инструменты претерпевают изменения. Арфа становится крупнее: объем резонанса удваивается, количество струн возрастает. Одновременно появляются маленькие и средние переносные арфы, настоящие произведения искусства. Цитра пришла в Египет из Азии. Кочевники-аму приходили в Менат-Хуфу и представляли перед управителем нома Орикса с цитрой в руках. Среди других инструментов выделяются двойная флейта, лютня, барабаны, трещотки и систр. Систр представлял собой голову богини Хатхор, которая была покровительницей пиров и музыки, на ручке. Вместо рогов на уборе Хатхор были более длинные металлические стойки, между которыми натягивались проволоочки с нанизанными на них маленькими металлическими цилиндриками. Потрясая систром, музыканты извлекали длинный или короткий звон, хорошо поддерживающий ритм танца или голос певца. Трещотки, по-египетски «менат», состояли из двух одинаковых дощечек из слоновой кости или дерева; их подвешивали на обруч. Они напоминали испанские кастаньеты, поэтому их музыкальный эффект нам хорошо известен. Музыка чаще всего сопровождала танцевальное представление, о чем свидетельствуют росписи гробниц.

После смерти фараона Рамсеса III наблюдается упадок египетской культуры, связанный прежде всего с полосой тяжелых и длительных войн и завоеваний Египта ливийцами, затем эфиопами, позже ассирийцами и персами. Некоторое возрождение искусства наблюдалось лишь при царях 26-й (Саисской) династии – VII в. до н. э. – так называемый Саисский Ренесанс.

Художники и скульпторы этого времени вновь обратились к образцам Древнего царства, в частности к идеальному портрету. Саисское возрождение часто сравнивают с эпохой Возрождения в Европе (XV–XVI вв.). Но в отличие от европейского Саисский период стал не исходной точкой нового расцвета, а лебединой песней египетского искусства. Культурная роль Египта была уже исчерпана, все ярче разгоралась звезда Древней Эллады. Однако закат цивилизации Древнего Египта не означал бесследного исчезновения культуры его народа. Трансформируясь и переплавляясь в иные формы, многие ее элементы смогли сохраниться до наших дней, став одним из важнейших компонентов мировой культуры.

Завоевание Египта Александром Македонским (332 г. до н. э.) открыло новый период в его истории, много веков спустя получивший название эпохи эллинизма. Все историческое развитие Египта получило иное направление, возник симбиоз древнеегипетской и грекомакедонской культур.

Эпоха эллинизма (IV–I в. до н. э.) была замечательна взаимопроникновением древневосточной и античной культур. Египет вновь стал блестящим центром культуры, правда, уже не столько египетской, сколько греческой (эллинистической).

Культурное наследие Древнего Египта чрезвычайно многообразно. Оно поражает своей неповторимостью, художественным совершенством, глубиной содержания. Еще задолго до того, как взошла заря античной цивилизации, в Египте были накоплены важнейшие практи-

ческие знания в области математики и астрономии (определение площади круга, объема усеченной пирамиды, площади поверхности полушария, лунно-солнечный календарь и пр.).

Сокровища египетской мысли оказались притягательными для видных греческих ученых, философов, государственных деятелей, которые посещали Египет, чтобы приобщиться к этим знаниям и сделать их достоянием своей культуры. Согласно античной традиции, в Египте побывали древнегреческие мудрецы Солон, Фалес, Пифагор и др. Египетское искусство с характерной для него монументальной архитектурой и статичной скульптурой явилось образцом для критомикенской культуры Древней Греции. Египетская культура оказала большое влияние и на древних римлян. Культ египетской богини – матери Исиды – получил широкое распространение в Риме. С берегов Нила в Рим перевозились гигантские обелиски, один из них стоит и ныне перед собором Святого Петра. Египетский скульптурный портрет, пейзажная живопись, обелиски и другие элементы архитектуры, львы и сфинксы были восприняты античным искусством, а через него – европейским.

Древнеегипетская культура и цивилизация заложили основу для последующего культурного развития многих народов, в том числе Европы и России.

3. Культура цивилизаций Месопотамии

Месопотамия – один из древнейших очагов человеческих цивилизаций. Соседями Древнего Египта, с которыми он торговал и воевал, были не только южные соседи великой цивилизации, но и государства Месопотамии, сменявшие друг друга на протяжении всего существования Египта: Древний Шумер, Аккад, Вавилон, Ашшур (Ассирия), Элам, Урарту, Хатти, Митанния, Финикия и Персидское царство вплоть до сегодняшних Ирана, Ирака, Сирии, Турции и стран Ближнего Востока.

Первые земледельцы пришли в долину Евфрата около 7000 лет назад. Долина Тигра была освоена позже, потому что эта река очень бурная и во время наводнений сметала все на своем пути.

Около 3500 г. до н. э. на юге Двуречья появились **шумеры**. Они спустились в долину Евфрата с гор северо-востока и говорили на особом языке (родственные связи шумерского языка пока не выявлены). Шумеры называли себя «саг-гиг» (головы черные), а своих вождей – «угула гуруш» (старшина воинов). Самых знаменитых воинов называли «шульт» (бык), что свидетельствует о раннем культе быка в месопотамских цивилизациях.

Когда шумеры пришли в Двуречье, они уже умели делать глиняную посуду и выплавлять медь из руды. У них была письменность: первые клинописные таблички были написаны ранее 3000 г. до н. э., т. е. они старше древнеегипетских папирусов.

Реки Тигр и Евфрат текут с севера на юг – с гор Закавказья в Персидский залив. Обе реки короче Нила, их течение быстрее, они несут не только плодородный ил, но и много глины и песка. В нижнем течении рек песок и глина оседают, из них образуется новая почва. Сегодня Евфрат и Тигр сливаются и текут вместе на протяжении около 200 км до впадения в залив, но несколько тысяч лет назад у этих рек были отдельные устья. Некоторые древние города Двуречья, например Эреду, были морскими портами, а сегодня их развалины окружены пустыней. Местность по берегам Тигра и Евфрата делится как бы на две части: на севере она гористая и каменистая, на юге совсем ровная и плодородная.

В отличие от Египта, который располагается вдоль нижнего течения Нила, где река течет спокойно, а разливы ее несут плодородный ил, реки Тигр и Евфрат довольно короткие и текут с гор, так что не успевают «успокоиться»; их наводнения часто разрушительны: недаром в Двуречье возник миф о Всемирном потопе, который погубил всех грешных людей.

Месопотамия была «страной городов» с интенсивной торговлей между ними, поскольку природные условия и хозяйство Севера и Юга сильно отличались друг от друга. В Египте внутренняя торговля была развита слабо, а транзитной торговли вообще не было, поэтому он был

скорее «страной деревень» с немногими городами-столицами. Земли на юге Двуречья тоже были очень плодородны, о чем свидетельствует Геродот, но поддерживать плодородие было труднее в условиях неблагоприятных разливов рек с их песчаными наносами. Частые разрушения городов Двуречья в результате разорительных войн и все сметающих наводнений приводили к тому, что оросительные каналы не очищались от песка, а почва, не промываемая водой, насыщалась солями и теряла свое плодородие. В результате сегодня мы видим величественные развалины городов Месопотамии.

Все древнеегипетские поселки выстраивались вдоль Нила. Этот водный путь облегчал военное объединение страны. Плавание вверх по Тигру или Евфрату было невозможно. Все военные походы в Двуречье совершались по суше, и поэтому городам-государствам было легче сохранить свою независимость, а их объединение было в основном культурно-цивилизационным.

Когда первые земледельцы поселились в Южном Двуречье, они назвали эту страну «Землей владыки тростника». Позднее эту землю стали называть страной **Шумер** – по имени народа, поселившегося там, а северную часть Двуречья – страной **Аккад**, по имени другого племени. Язык страны Аккад был родственен языку древних египтян (семитская группа языков). Самую северную горную окраину Двуречья называли страной **Ашшур**, или Ассирией. К востоку от страны Шумер в горах у Персидского залива располагалась территория древнего государства **Элам** со столицей Сузы.

К северу от Ассирии лежала страна **Урарту**. Сегодня она называется Арменией, но в то далекое время там жили другие народы – хурриты. К западу от Ассирии и Урарту, в Малой Азии, около 2000 г. до н. э. образовалась страна **Хатти**. Ее жители – хетты – говорили на языке, родственном индоевропейским языкам. Признаками «цивилизации» обладали объединения городов-государств Шумера и Аккада – Шумерская цивилизация (III–II тыс.) и Вавилонская цивилизация, когда Вавилон победил и объединил под своей властью города-царства Шумера и всего Двуречья.

На протяжении своей длительной истории государства Месопотамии устанавливали торговые отношения как с ближайшими соседями, так и с отдаленными странами. Нам известно, что после 2000 г. до н. э. жители Древнего Двуречья торговали на востоке с Индией, откуда привозили слоновую кость и цветные камни, на юге – с Египтом, откуда доставляли золотые украшения и песок, пшеницу и редкие зерновые. С берегов Средиземного моря и с гор Кавказа (Урарту и города Малой Азии) привозили олово, сурьму и медь.

Когда древний египтянин делился своими впечатлениями о торговой поездке в долину Двуречья, он исходил из того, что его единственная река Нил течет на север. Тигр и Евфрат текут на юг. Он это понимал по движению солнца, но мир в его глазах изменялся. Течение этих рек стремительное, и на лодках плыть вверх по течению почти невозможно. Поэтому вверх по реке товары везли по берегу на ослах. Однако древние жители Месопотамии строили лодки. Если лодки египтян делались из папируса, то лодки шумеров – из надувных кожаных мешков и прутьев. Шумерам приходилось часто разбирать свои лодки, чтобы перевезти их вверх по реке, в отличие от древних египтян, которые могли плыть вверх по Нилу под парусами и на веслах.

Древние города месопотамских цивилизаций были величественны. В них, как и во всех городах древних цивилизаций, бурно развивалось монументальное искусство. В центрах государств Двуречья строили храмы, посвященные богам. В Шумере впервые появилось сооружение, которое стало символом всех цивилизаций Месопотамии – семиступенчатый **Зиккурат**. В зиккуратах совершались жертвоприношения-моления верховным божествам. Каждая ступень посвящалась тому или иному богу и его планете. Она имела различные функции и цвета, которые не били в глаза, а просвечивались сквозь деревья. Завершал храм павильон-обсерватория, посвященный богу – создателю мира, в храме которого были сосредоточены все астрономические приборы и велось наблюдения.

Нижняя, самая широкая ступень была посвящена Солнцу и окрашивалась в золотистый цвет по черному основанию из битума. Затем – храм Луны, серебряный. Следующая терраса – храм планеты Сатурн, самая последняя планета, которую могли наблюдать люди древних цивилизаций. Сатурн, в отличие от древнегреческой мифологии, олицетворял вечность, а его кольца – вечный ход истории. Затем шел Юпитер – темно-красный. Пятый этаж – Марс, ярко-красный, как цвет крови, пролитой в сражении. Шестой этаж был посвящен планете Венере – желтый, потому что она ближе всего находится к Солнцу. Седьмой этаж – Меркурий, священная планета синего цвета. На фоне желтого он выделял и завершал многоцветную пирамиду и давал возможность затемнить внутреннее помещение. Седьмой храм многоступенчатого зиккурата был посвящен богу Эа, самому древнему из богов.

Зиккураты не были посмертными памятниками или заупокойными храмами. Цивилизации Двуречья были «биофилическими» образованиями, т. е. цивилизациями, ориентированными на любовь к жизни, активизацию творческого начала. Планеты, название которых мы даем по современному варианту, а не в древнеаккадском обозначении, символизировали ориентацию жителей Двуречья на любовь к жизни.

Самым большим зиккуратом был **зиккурат Этеменанки** – Вавилонская башня, которая по величине приравнивалась к пирамиде Хеопса (Хуфу).

Зиккураты строились на юге – в Шумере и Аккаде, где земля ровная и плоская. Там небольшие зиккураты (до 40 м) казались горами. На севере, в гористой местности (Ассирия), зиккуратов почти не было, они терялись на фоне гор.

Сравнивая пирамиды и зиккураты, важно помнить, что пирамиды Египта – это памятники царям-богам единого государства. Двуречье очень редко объединялось в единую державу. В зиккуратах жили боги и их жрецы – ученые Древнего мира. Все другие города Месопотамии имели зиккураты, которые города ремонтировали, чтобы сделать их выше и внушительнее. Важно также учитывать, что египетские пирамиды строились из камня, а зиккураты Двуречья в основном из необожженных кирпичей.

Важнейшей особенностью месопотамских цивилизаций является объединяющая их письменность. Это была древнейшая на Земле письменность – **шумерская клинопись** – одна из первых письменностей человечества. Крупнейшее достижение шумерского народа. Она появляется в эпоху Урука в начале IV тыс. до н. э. Как и все иные самобытно возникшие у других народов системы письменности, шумерская письменность первоначально возникла из рисунка, причем отдельные картинные знаки служили для обозначения наглядно изображенных слов. Однако эта примитивная картинная письменность (пиктография) не давала возможности при помощи древнейших знаков-рисунков видимых предметов и явлений изображать сложные представления и отвлеченные понятия. Чтобы написать сложные слова, напр., глаголы, писец должен был соединить вместе несколько различных знаков. Так, для того чтобы написать глагол «плакать», надо было соединить знаки «глаз» и «вода». Слово «дождь» можно было написать при помощи знаков «звезда» (небо) и «вода». Усложнение языка и появление большого числа самых разнообразных понятий и слов, а также грамматических форм требовало упрощения системы письменности. В связи с этим изобразительный принцип, лежащий в основе пиктографии постепенно заменяется принципом передачи при помощи письменных знаков звуковой стороны слов (фонемы). Уже в письменности Шумера появляется большое количество слоговых знаков и несколько алфавитных знаков, служащих для обозначения гласных звуков. При этом даже в поздней вавилоно-ассирийской письменности сохранялись древние изобразительные идеограммы – картинные знаки (детерминативы), обозначающие группы понятий. Так, все имена богов сопровождалось знаком «дингир» – бог, мужские имена – вертикальным клинообразным знаком, а женские – знаком «саль» – женщина.

С течением времени необходимость применения скорописи в связи с особым способом начертания знаков на глиняных табличках приводит к еще большей схематизации знаков пись-

менности и созданию системы клинописи. Знаки, выжимавшиеся на мягкой глине, теряют свой прежний картинный облик и с течением времени принимают форму различных сочетаний из вертикальных, горизонтальных и косых клиньев. Шумерское письмо в течение III тыс. до н. э. достигло большого совершенства. К началу II тыс. из примерно 2 тыс. знаков осталось около 500, а развитый шрифт новоассирийского и нововавилонского времени использовал лишь 350–400 клинописных знаков. В качестве слогового письма, обладавшего большой полифонией, клинопись давала возможность не только передавать обособленно стоящий среди всех языков шумерский язык, но и писать на языках совершенно другого типа.

Уже в III тыс. аккадцы переняли у шумеров их шрифт и приспособили его к своему языку. Аккадцы произносили написанное слово «рука» уже не «шу», а «кату»; знак «небо» вместо «ан» читался ими «шаму». Они изменили произношение знаков, но не их значение. С шумерскими слоговыми знаками у них не возникло никаких затруднений, ибо с их помощью можно было писать как семитские, так и шумерские слова. Только многозначность знаков постепенно возросла, так что некоторые клинописные знаки имели свыше 20 слоговых значений и 10 словесных, которые могли быть поняты только в контексте. Вслед за аккадцами в Месопотамии утвердили свое господство другие семитские племена, но все они пользовались клинописью. Эта письменность распространилась и дальше – ее переняли эламиты на востоке, сирийцы и финикийцы на западе, а также и индоевропейский народ хетты в Малой Азии, так что клинопись завоевала вскоре всю Переднюю Азию. Ее начнет постепенно вытеснять возникшее к концу II тысячелетия арамейское алфавитное письмо, которое будет вводиться в Вавилоне в VI столетии до н. э. Однако клинопись вместе с текстами Шумера, Аккада и Вавилона сохранялась долго как сакральное наследие древних цивилизаций.

Расшифровка клинописи представляла собой долгую и трудную историю, в отличие от дешифровки древнеегипетских иероглифов. Клинпись первоначально изображала не слова, а понятия, вещи, так что шумер и аккадец читали одну и ту же надпись по-разному, но смысл ее понимали одинаково. Это помогло ученым восстановить шумерский язык по аккадскому после того, как археологи нашли аккадские таблички-словари. Аккадский язык, в свою очередь, был восстановлен потому, что позднее писцы дублировали клинопись арамейской (алфавитной) записью. Важно помнить, что арамейский язык сохранился до нашего времени.

Клинпись скоро стала языком международного общения, так как она была во многом универсальна для интенсивной торговли. Большинство сохранившихся текстов – это документы о торговых сделках. По сравнению с месопотамскими документами в Древнем Египте большинство сохранившихся папирусов представляют собой религиозные тексты.

После распада древних государств Шумера и Аккада Двуречье захватили народы – амореи, родственные аккадцам по языку. Они переняли у побежденных клинопись и сохраняли их язык в качестве государственного в течение пятнадцати веков.

По-аккадски говорили в Вавилоне – главном торговом и культурном центре Двуречья. Шумерский язык к этому времени почти исчез; финикийский (алфавитный) еще не получил широкого распространения, а роль Египта в международной торговле была невелика. Даже в Древней Персии государственными языками были персидский, эламский, который персы переняли вместе с письменностью ближайших культурных соседей, и **аккадский**, который широко понимали на всем Ближнем Востоке.

Цивилизации Месопотамии, как те, которые существовали одновременно друг с другом (Шумер и Аккад), так и те, которые сменяли прежние государственные образования (Вавилон), имели собственные пантеоны богов. **Религии Древнего Двуречья** отличались: а) мифологической системой осмысления мира; б) представлением всех форм ранних религиозно-мифологических взглядов о мире от фетишизма и тотемизма до антропоцентризма; в) многобожием (политеизмом) – обожествлением явлений природы и форм человеческой деятельности. Большинство богов древних религий Двуречья обладали человеческим обликом, т. е. были антро-

поцентричны. У **шумеров** верховными богами считались **Эн-лиль** (Владыка ветра), **Эн-ки** (Владыка земли и воды), **Уту** (бог Солнца и справедливости), **Инана** (богиня любви). Позднее главными богами стали **Нинурта** (бог войны и победы), и **Эн-ки**, которого считали богом мудрости.

Пантеон других народов Месопотамии во многом совпадает с религиозными представлениями шумеров. Так, бог Солнца Уту в Шумере превратился в Шамаша в Вавилоне. Шумеровский бог мудрости Эн-ки (египтян Тот) стал у вавилонян Эа, а богиня любви Инана (шумеры) стала Иштар (Астарта) у вавилонян и ассирийцев. Верховным богом последних был Мардук. Ему был посвящен самый большой зиккурат Месопотамии Этеменанки – Вавилонская башня и храм Эсагила. Мифы народов Древнего Двуречья свидетельствуют о глубокой внутренней преемственности между культурой и религией древних народов и цивилизаций Месопотамии. Эта преемственность проступает еще ярче в великом эпосе о Гильгамеше, ставшем общим для всех народов Месопотамии.

Древняя культура Месопотамии оставила человечеству два значительных литературных произведения – космогонию **«Когда вверху»** (**Энума элиш**) и героическую поэму **«О все выдавшем»**, повествующую о Гильгамеше – царе города Урука. Европейскому читателю поэма впервые стала доступной в своем полном виде в 1884–1891 гг., когда немецкий ученый П. Хаупт издал наиболее позднюю ее редакцию, заполнявшую двенадцать шестиколонных таблиц мелкой клинописи – около трех тысяч стихов. В России ее лучшим переводом является перевод академика И. М. Дьяконова.

Прочитав в русском переводе записи на глиняных табличках, мы узнаем, что Гильгамеш был воином и путешественником. Он дружил с Энкиду, вождем племени охотников-горцев, который не знал вкуса хлеба. Они вместе победили Хумбабу – правителя лесистой страны в горах Элама (или Ливана). Энкиду умер от болезни. Потрясенный этой смертью, Гильгамеш поссорился с Инаной (в переводе – Иштар) – главной богиней Урука. Лишенный ее покровительства, Гильгамеш отправился странствовать в поисках травы, дающей здоровье и бессмертие, в которой он видел бессмертие своего народа. В зачине поэмы перед нами предстает ее героический смысл, вселявший веру в победу народам, которые пели ее перед битвой.

Человек и природа сливаются в поэме «О все выдавшем» в некое целое начало. О природе говорится как о том, что она не противостоит человеку, а существует, подобно ему, со всей своей материальностью, живой непосредственностью и чувственностью. Она выступает в поэме не как среда обитания людей, а как сама жизнь, подвижная и трепещущая везде и всюду. Природа чувствует и переживает, радуется и страдает, наслаждается и испытывает отвращение ко всему мертвящему и убивающему жизнь. В поэме ярко выражено слияние человека с природой, когда вместе с царем Урука плачут не только простые люди, но и звери, горы, деревья и реки: плачет вся природа.

Природа объемлет мир человека, но не исчерпывает его. В роли носительницы цивилизующего начала в поэме выступает блудница. Встречаясь с полудиким Энкиду, она учит его культурным навыкам, потреблению хлеба и сикеры (род вина), ношению одежды. Энкиду, покоренный красотой, покидает мир природы, зверей, с которыми рос в пустыне. Энкиду становится умнее, в нем пробуждается и развивается чувство красоты. Но одного цивилизующего женского начала мало. Автор поэмы подчеркивает мысль, что ведущая роль в развитии цивилизации принадлежит труду, творческому преобразованию природы. Когда Гильгамеш и Энкиду победили чудовище Хумбабу, последнее, умоляя их о пощаде, обещает им великое благо: нарубить кедров и построить из них дома. Труд для творцов поэмы – это созидание прекрасного, основанное на знании естественных свойств материалов, на умении их использовать рационально в соответствии с задуманным планом. Эти идеи ярко проявляются в строчках о строительстве корабля, способного выдержать дальнейшее плавание.

Человек, его назначение и героизм, вера в величие его конечной цели – светлой жизни на земле, являются тем идеалом – общественным, моральным и эстетическим, к достижению которого стремятся все честные люди. В поэме «О все выдавшем» дается картина упорного движения Гильгамеша из кромешной тьмы к свету, символизирующая движение человека к отвлеченному идеалу, представляемому в поэме в виде рощи, где деревья плодоносят драгоценными камнями.

Высший смысл человеческого существования представляется в поэме как бессмертие, сущность которого понимается отлично от того, как понимали его египетские фараоны и ассирийские цари. Если последние стремились увековечить себя путем сооружения несокрушимых храмов, пирамид, прославляющих их, то человек из поэмы о Гильгамеше видел остро желаемое им личное бессмертие в добрых делах на благо людей. Обращаясь к Энкиду, Гильгамеш призывает его создать все, что нужно человеку, изгнать все, что имеется в мире злого, и этим создать себе «вечное имя». Поэма «О все выдавшем» создала «вечное имя» ее творцу и народам Месопотамии.

Около 2700 г. до н. э. в Двуречье произошло огромное наводнение – Потоп. Он разрушил почти все города и погубил множество людей. Когда жизнь возобновилась, шумеры начали вести отсчет своей истории именно с этого события, исчисляя время в поколениях, например: «В третьем поколении после Потопа в Уруке правил Гильгамеш».

Около 2400 г. до н. э. города Междуречья часто воевали между собой, а внутри городов бедняки восставали против гнета царей и жрецов. В 2316 г. до н. э. власть в городе Аккад захватил воевода Саргон. Он создал постоянную армию из нескольких тысяч лучников и покорил почти все города Двуречья вплоть до Средиземного моря. Его государство просуществовало около 100 лет. Оно держалось на военной силе и, будучи экономически раздробленным, подвергалось постоянно набегам соседних племен.

В начале II тыс. до н. э. на север Двуречья вторглись амореи, которые захватили страну Аккад и основали свое государство. Его столицей стал город Баб-Илу (Ворота бога), названный позднее греками Вавилоном. Около 1750 г. до н. э. царь Вавилона Хаммурапи объединил все Двуречье. Он создал один из первых сводов законов, которые были выбиты на базальтовых столбах-стелах, установленных в главных городах страны.

Эти законы вошли в историю как **Кодекс Хаммурапи (Хаммураби)** – знаменитый свод законов и правовых норм, введенных царем Вавилона Хаммурапи (Хаммураби) (1792–1750 гг. до н. э.) и начертанный архаической клинописью на базальтовом столбе. Этот замечательный памятник древневавилонской культуры был найден французским ученым де Морганом в Сузах (Иран) в 1901 г. На верхней части столба изображен царь Хаммурапи, стоящий в торжественной позе перед богом солнца Шамашем, восседающим на троне. Вся остальная часть столба покрыта клинописным текстом, содержащим 247 статей судебного кодекса. Пять столбцов, содержащих 35 статей, высоблено, очевидно, эламским завоевателем, который увез этот памятник в качестве трофея в Сузы. Этот пропуск в тексте был восстановлен благодаря найденным копиям кодекса, которые древневавилонские писцы и судьи пользовались в целях обучения, а также в судебной практике. Кодекс Хаммурапи является дальнейшим развитием и кодификацией древнешумерских законов, оказавших сильное влияние на вавилонскую правовую культуру и законодательство. Во вступлении указывается на то, что издание кодекса имеет своей целью установление справедливости в стране. Основная часть Кодекса Хаммурапи содержит перечень статей по уголовному праву, судопроизводству, прав собственности (кража и грабеж), прав воинов. Отдельные статьи говорят о правах владения недвижимостью, о торговле и ее правилах, залоговом праве, семейном праве, членовредительстве, работе зодчих и кораблестроителей, найме рабочей силы и рабстве. Кодекс Хаммурапи – первый документ древности, где прямо указывается о необходимости ведения «учета средств и имущества на счетах». В заключительной части царь перечисляет свои заслуги перед народом, призывает благослове-

ние на голову тех царей, которые будут выполнять его законы, и посылает проклятия на тех, кто не будет их соблюдать или решится их отменить. Кодекс Хаммурапи является важнейшим источником для изучения общественной, культурной и хозяйственной жизни не только вавилонской цивилизации, но и всей Месопотамии, так как он опирается на древнейшие законы Шумера и Аккада и предписывает жизненные правила и правовые нормы для Вавилона и других современных ему царств. На основе Кодекса Хаммурапи выстраивались последующие правовые судебники цивилизаций Месопотамии

Эти законы были одинаковы и приемлемы для большинства разноплеменных народов, населявших империю Хаммурапи. Им повиновались даже там, где царь не оставил своих гарнизонов. Хаммурапи был уверен, что его законы справедливы, и они донесут память о нем до потомков.

После 1600 г. до н. э. царство Хаммурапи распалось. В Двуречье вторглись разные завоеватели: Вавилоном владели вначале хетты, затем касситы (XV–X в. до н. э.), ассирийцы (IX–VII вв. до н. э.), халдеи (арамей) (VI в. до н. э.), персы (V–IV вв. до н. э.), македонцы (IV в. до н. э.), парфяне (с III до IV в. н. э.), византийцы (IV–VI вв. н. э.), арабы (VII–X вв. н. э.), турки (X – XIX вв. н. э.). Все они оставили свои культурные следы в облике этого древнего города.

Во II в. до н. э. на севере Двуречья образовалось мощное Ассирийское царство, столицей которого вначале был город Ашшур, а затем Ниневия. Ассирийцы первыми в Месопотамии научились ездить верхом на лошади и выплавлять из руды железо. У них было лучше развито скотоводство, чем земледелие. Цари Ассирии создали значительную армию, имевшую железное вооружение, которая почти три века не знала поражений. В X–VII вв. до н. э. почти все города Двуречья платили большую дань ассирийцам, что позволило им построить великолепные дворцы и храмы в Ниневии и других городах Ассирии.

Многообразие государств и народов, интенсивная внутренняя торговля требовали введения в Месопотамии ранее, чем в Египте, предметов, выступающих в роли денег. Что касается продажи земли, то вначале считалось, что владельцем земли может быть только ее творец – Бог. Любой человек – только временный арендатор земли и поэтому может передать другому только право на аренду.

В долине рек Тигр и Евфрат железный век наступил раньше, чем в Египте. Широкое распространение железа началось в конце II тыс. до н. э. **Закалять железо так, чтобы оно становилось тверже бронзы, первыми научились хетты и другие индоевропейские народы.**

Вавилон стал столицей Двуречья, переходя из одних рук в другие. Со времен Саргона Древнего известны первые летописи-летосчисления. Это царские анналы, которые представляют собой запись важнейших событий по годам правления царя. Но анналы разных царей плохо состыковывались и не учитывали события, в которых царь не участвовал. Вавилонские жрецы впервые стали вести непрерывную запись всех новых и важных событий в Вавилоне и соседних землях, согласовывая их с астрономическими наблюдениями. В летописях Вавилона сохранились указания на войны и торговые договоры с Египтом, что позволило уточнить его летосчисление.

Вавилоняне, а затем ассирийцы не управляли хозяйством покоренных ими стран, они только **поддерживали мир** между ними и собирали за это дань. Сами вавилоняне не селились среди покоренных народов, поэтому они надолго сохранили свой образ жизни; их культуру и традиции. Политическим центром держав Месопотамии был царь (лугаль, патеси, энси), который с детства готовился быть великим правителем и воином, о чем свидетельствуют фрески дворцов. Ашшурбанапал, один из знаменитых царей Вавилона, не был старшим сыном. Его готовили к роли жреца, и поэтому учили всем наукам и тайному знанию. Во время своего правления он создал огромную библиотеку, в которой были таблички с мифами Шумера и Аккада, эпос о Гильгамеше, анналы прежних царей Шумера, Аккада и Ассирии, договоры

всех царей Ассирии с их соседями и союзниками, донесения ассирийских разведчиков, много хозяйственных и финансовых документов, руководства по астрономии, астрологии и магии.

В библиотеке Ашшурбанапала было много текстов на аккадском и арамейском языках (официальные языки Вавилона), тексты и словари на шумерском, египетском, финикийском и хурритском языках (на них говорили в Митаннии и Урарту), а также тексты Элама.

Особое значение имело развитие **науки в Двуречье**. Древнейшие зачатки научных знаний, несмотря на господствующее религиозно-мистическое мировоззрение, вырастают из чисто хозяйственных потребностей. Это в первую очередь математика и астрономия. Первыми появляются арифметика и геометрия, опиравшиеся на пяти- и шестиричные системы счисления. На это указывают шумерские названия для пяти первых чисел, а также десяти. О довольно значительном развитии математики еще в шумерскую эпоху говорят математические тексты, в которых упоминаются возведение в степень, извлечение квадратных и кубических корней по особым формулам и даже вычисление объемов. На сугубо практический характер этой древней математики указывают таблицы умножения, сложения и вычитания с цифрами до 180 тыс. (при умножении), которые должны были помогать писцу быстро совершать арифметические действия с крупными цифрами. Сохранившиеся планы полей с расчетом их поверхности, восходящие к эпохе Аккада, свидетельствуют о том, что первые знания в области геометрии возникли в связи с развитием сельского хозяйства и с необходимостью часто производить обмер земельных участков.

Целый ряд астрономических знаний был накоплен уже в шумеро-аккадскую эпоху, от которой сохранился большой астрономический труд, содержащий множество астрономических наблюдений, в частности представление о четырех странах света. В обществе эти астрономические знания были довольно широко распространены. Так, в состав некоторых имен собственных входили названия планет. Шумерские и вавилонские жрецы-астрономы наблюдали движение небесных светил с высоты своих обсерваторий, которые обычно помещались на верхних площадках храмовых зиккуратов. Вавилонские жрецы умели отличать звезды от пяти планет. Все звездное небо было разбито на 15 частей, начиная с весенней точки зодиака. Звезды были распределены по созвездиям. Была установлена эклиптика, которая разделила на 12 частей и соответственно на 12 зодиакальных созвездий, названия которых сохранились до позднего времени. В официальных документах регистрировали наблюдения над планетами, звездами, кометами и метеорами, солнечными и лунными затмениями. Наивысшие достижения вавилонской астрономии относятся к VIII–VI вв. до н. э., когда астрономы-жрецы накопили большое количество астрономических знаний, имели представление о прецессии и даже предсказывали затмения.

Особое внимание отводилось знаниям о человеке, в частности **медицине**. Во времена Хаммурапи медицина уже делилась на отрасли. Сохранились медицинские трактаты с описанием симптомов болезней и рекомендаций к их лечению. Незначительные сведения сохранились по филологии и истории, так как практические потребности дипломатии требовали записи важнейших событий внешней политики еще с эпохи древних царств Шумера. Важно отметить, что цивилизации Месопотамии старались сохранить знания как сакральные и создавали большие библиотеки при дворцах и храмах.

Архитектуру Древнего Вавилона, а затем Ассирии представляют удивительные по красоте дворцы, раскопки которых ведутся уже два века. Так, стены у входа во дворец Саргона и линия арки были украшены глазурированным кирпичом: на арочной дуге по ярко-голубому фону – белые розетки с желтыми серединками; по обеим сторонам от проема – крылатые человеческие фигуры в золотых одеждах, фигуры льва, орла, быка и символ плодородия – сикомора, широко раскинувшая свои лапчатые ярко-зеленые листья; сучья ее гнутся под тяжестью желтых плодов. Блекнут и осыпаются краски росписей, а глазурь прочна необычайно, она сохранила и по наши дни весь блеск своих красок.

Странную особенность имели **Шеду** – фигуры крылатых человекобыков, которые охраняли дворцы. Сегодня они высаты в залах Лувра и Британского музея. Некоторые фигуры имели не четыре, а пять ног. В данном случае пятая нога не была лишней, особенно для тех фигур, которые стояли по углам входных дверей. Представим себе, что мы идем к воротам дворца вдоль стены, покрытой рельефами. Вот стоит фигура Гильгамеша, а за ним крылатый человекобык. Он поднял крылья, повернул голову, зорко смотрит на подходящего и делает стремительный шаг вперед, точно сопровождая посетителя и разглядывая, не враг ли он. Мы готовимся войти в ворота, а перед нами вырастает неожиданно еще одна фигура крылатого человекобыка еще больших размеров. Кажется, будто он замер, охраняя вход. Мы входим в ворота, и происходит странное превращение: фигура приходит в движение на наших глазах. Только что видели мы перед собой ее две передние ноги, упершиеся в постамент, как перед взлетом, и вот чудовище уже сделало широкий шаг: одна передняя нога отодвинулась назад, другая выставлена вперед. Как это случилось? Войдя в ворота, мы видим фигуру человекобыка в профиль; обе передние ноги стоят параллельно друг другу и потом сливаются в одну. Если бы ваятель не заставил его шагать, если бы задние ноги стояли в спокойной позе параллельно, то при боковом рассмотрении гигантский бык казался бы стоящим всего на двух ногах. И вот мастер приделывает ему пятую ногу в позе шага. Спереди ее не видно, зато если смотреть на фигуру сбоку, она становится видна, однако зритель не воспринимает ее как лишнюю, так как из двух передних ног сбоку видна только одна. Чтобы додуматься до такого художественного фокуса и суметь выполнить его с таким совершенством, надо было быть очень хорошим художником, обобщившим в своем творчестве многие столетия роста знаний и культуры.

Черты реализма в изображении человека почти всех месопотамских культур от Шумера III тыс. до н. э. до первых веков нашего времени не могли ни застыть в каноне, ни развиться в той мере, как в Египте. В Египте определяющим моментом была вера в посмертное вселение души – «двойника Ка» – в свое тело или его изображение. Отсюда – стремление к портретности. Такого представления в Двуречье не было. Статуя здесь – не обиталище души умершего, а представитель молящегося в храме божества. Все внимание художника было сосредоточено на попытке придать выразительность лицу, чего он старался достигнуть, выкладывая глаза и брови из другого материала. Фигура, как стоящая, так и сидящая, создается всегда в молитвенной позе, детали ее едва намечены, пропорции часто не соблюдены. Тело служит только постаментом для головы, вырастающей непосредственно из плеч. Художник уже отходит от начатков реализма, характерных в изображении человека в раннешумерский период культуры Джемдет-Наср. Он стремится не подчеркивать естественного, человеческого в статуях божества или знатного лица.

Изобразительное искусство культур Месопотамии крайне разнообразно. К наиболее древним относятся храмы периода Урука. Они как бы закладывают архитектурную традицию создания зиккуратов, вплоть до величественной башни Этеменанки. Белый и Красный храмы Урука, в отличие от древнеегипетских храмов, имеют систему террас, на которых разводились прекрасные сады, ставшие, вслед за пирамидами, одним из семи чудес света (**Сады Семирамиды**). Террасные композиции, широкое применение колонн, декоративное оформление храма белым и красным становятся традицией культур от Шумера до Вавилона. Храмы Аккада, Ниневии и Вавилона представляют эту художественную традицию, наиболее полно выраженную в зиккуратах.

В области архитектуры привлекает **появление знаменитой кладки хеттов, широко представленной в эгейской культуре**. Она дополняется массовыми скульптурами-стелами, на которых как бы прочерчиваются основные изображения и надписи. Самой знаменитой является **стела Коршунов Эаннатума, правителя Лагаша**. Эта стела сравнима только с плитой Нармера, обозначавшей основные каноны искусства скульптуры.

Самое сильное впечатление на современников производил Вавилон, многочисленные описания которого сохранились во многих священных книгах. В нем было много необычайной красоты храмов, вплоть до зиккурата Этеменанки, который при Навуходоносоре громадой в 90 м высоты поднимался от основания в 90 x 90 м. В Вавилон вели восемь процессионных дорог, важнейшей из которых была дорога, ведущая с севера, через врата, посвященные богине красоты Иштар, облицованные синей глазурью. Вавилон, даже разрушенный, производил сильное впечатление, которое пытались поддерживать персы и древние греки.

Древний Вавилон описан в Библии как великий город красоты и греха. А великая книга христиан Библия была создана на арамейском языке древними евреями, которые пришли во главе с Моисеем в Палестину из Египта, видимо, на рубеже XIII–XII вв. до н. э., после того как вторжение «народов моря» ослабило все великие державы в этом регионе. На рубеже XI–X вв. до н. э. иудеи образовали свое царство – Израиль со столицей в Иерусалиме. Их первые цари – Саул, Давид, Соломон – правили страной в единстве с пророками Самуилом, Илией и др.

Пророк – это религиозный проповедник, не занимающий ни церковных, ни государственных должностей, но говорящий с народом от имени Бога, волю которого он угадывает. Наиболее великими были пророки, имена которых записаны в Библии, призывавшие и сохранявшие самобытную культуру древних евреев даже в вавилонском плену. Персидский царь Кир, покорив Вавилон, разрешил пленным евреям вернуться на родину. После этого началась запись книг Библии. В древних цивилизациях важно помнить роль древнееврейского капитала, финансировавшего торговлю, паломничество, войны и строительство храмов.

Культура царств Месопотамии оказала огромное влияние на развитие цивилизаций нашей эры, что нашло отражение в лексике их языков. Так, в русском (индоевропейском) языке много слов древнего мира. Это шумерские слова: «руда» (уруду – медь, металл), «темя» (темен – середина, основание, опора), «секира» (шукурру – топор); имена: Нина (владыка) и Кирилл (вероятно, от Куруш – мужчина, воин, молодец).

Аккадские слова – «бегемот», «эфа» (вид змеи). Имена: Тамара (таммар – финиковая пальма), Илья (Иль – бог), Эсфирь (богиня Иштар).

Сегодня там, где находились Элам, Мидия, Персия, Парфия, часть Армении, простираются земли Ирана. На землях современного Ирака находились Шумер, Аккад, Ассирия, Вавилонское царство, часть Персидской державы. Турция включает бывшую часть Ассирии, царство хеттов, Митанию, часть Урарту, позднее земли Лидии, Кари, Пафлагонии, Вифинии, Пергама, Памфилии, Киликии, Понта, Каппадокии, части Армении.

Цивилизация живет, пока существует личностное, человеческое, пассионарное начало – ядро цивилизации, которое имеет определенную систему ценностей, объединено единой скриптукультурой. Исчезновение пассионарного начала в системах восточных деспотий, разъедаемых коррупцией, борьбой за власть, приводит к исчезновению самих цивилизаций, но их бессмертная культура сохраняется. Претворяясь в культуры других народов, она продолжает жить сегодня в культурах современных цивилизаций.

4. Культура индустской цивилизации

Древняя Индия, страна волшебных сказок и удивительных чудес, подарила миру бесценные художественные сокровища. Памятники древнеиндийской архитектуры, скульптуры и живописи отличаются такой живой силой воздействия и такой самобытной красотой, что их невозможно спутать с памятниками другой страны.

Величественная тропическая природа Индии содействовала рождению столь мощных и величественных образов мифологии и искусства. Природа как бы сама подсказала зодчим и скульпторам древности первые творческие решения. Она придала особый размах и грандиозную масштабность древним сказаниям индийского народа о богах-исполинах, которые тремя

шагами обходят мир или выпивают разом целые реки, о героях, наделенных космической силой, добрых и злых духах, населяющих каждое дерево, гору или реку.

Вера в чудодейственную силу природы стала основой всей индийской мифологии и культуры. Индийская мифология дала огромный материал для изобразительного искусства. Неразрывно сплетенные друг с другом архитектура, скульптура и живопись донесли до нашего времени то легендарно-мифологическое ощущение мира, которое зародилось в недрах индийской фантазии еще в глубокой древности. Уже в древнеиндийском искусстве разносторонне и полно смог раскрыться гений индийского народа. Без знания Индии (в особенности древних времен) трудно понять не только культуру Азии, но и культуру человечества в целом.

Раннюю историю Индии мы знаем из сообщений западных авторов. Они были лучше знакомы с долиной Инда, которая лежит на западе, чем с долиной Ганга, которая простирается на востоке.

Тропическая природа Индии требовала тщательного освоения. В стране произрастали: конопля, хлопок, просо, бобы, некоторые овощи, сахарный тростник, бананы. С запада в Индию привезли пшеницу и ячмень, с востока из Индокитая – рис и финики. Местные животные – это зебу и слон. С запада переселенцы привезли осла, коня, овцу, корову; с востока – буйвола.

Условия жизни и климат, биофилическая направленность и традиционность культуры обусловили удивительную устойчивость всех культурно-экономических систем, когда древность и современность образуют некое органическое целое.

Цивилизация Индии по возрасту чуть моложе своих «сестер» в Египте, Китае и Месопотамии, но нигде, кроме Индии и Китая, не было подлинной непрерывности цивилизации. Несмотря на все изменения, войны и вторжения, нити самобытных традиций древних цивилизаций не прерывались в обеих странах. И хотя они в значительной мере утратили свое прежнее положение, а их древние культуры покрылись толстым слоем пыли, а иногда и грязи столетий, они все же выстояли, и древняя культура и сегодня является основой индийской жизни.

Экономическая и финансовая жизнь Древней Индии складывается ранее 2000 лет до н. э., развиваясь и усиливаясь с приходом ариев около XV в. до н. э. Шумеры и вавилоняне везли в Индию, видимо, в основном ремесленные изделия из металлов и цветного камня. В Двуречье ввозили экзотическое сырье – слоновую кость, ценное дерево и те камни-самоцветы, которых нет в Закавказье и на Ближнем Востоке: рубины, сапфиры, изумруды, а также золотой песок.

Цивилизации Ближнего Востока старше индийской. Древнейшие города Двуречья возникли примерно на 1000 лет раньше первых городов долины Инда. Поэтому, скорее всего, жители Месопотамии открыли не только сухопутный, но и морской путь в Индию, а не наоборот. Видимо, древние путешественники из Месопотамии были первыми, кто «нашел» путь в Индию и сочинил легенды о ее богатствах.

Мифология индуистской цивилизации сказочна, красочна, самобытна и философична. Она включает 330 млн богов Индии, которые, вместе взятые, указывают на одного неведомого Бога. Ведь что такое в действительности Брахма, Вишну и Шива? Тройной луч, прямо исходящий из «светила Вселенной», Сваймбува, т. е. силы или духа, оживотворяющего и оплодотворяющего материю, олицетворенную в Сарасвати, Лакшми и Кали, – трех представлений матери, трех богинь трех богов. Эти три четы, синтезированные в Сваймбове, «божестве не проявляющемся», – есть символы, олицетворяющие невидимое присутствие его во всех явлениях природы.

Здесь нужно заметить, что каждое божество громадного пантеона Индии, женского ли оно или мужского пола, в своем первородном виде, т. е. при первом отделении от «единого и безличного», чисто отвлеченного принципа, который называется у индийцев Парабрахмой, всегда бывает среднего рода. Но в своем земном проявлении оно двоится, и женская половина,

отделяясь от мужской, становится богиней. В связи с этим кровожадная богиня Кали, самая могущественная из всех «сакти», являясь под одним из своих видов («аватар»), меняет совершенно все свои личные атрибуты и делается неузнаваемой: превращаясь в Минакши Мадурскую, становится миролюбивейшей из богинь, обладающей такими качествами, как кротость, долготерпение, великодушие и т. д. В свою очередь, Минакши есть та же Кали, оплодотворяемая духом Шивы, его творческая сила, его женский принцип и аспект или один из многочисленных видов его супруги Кали.

Шива, Брахма, Вишну – это глубокие философские, полные поэзии и познания природы типы. Шива в своем первобытном значении в одно и то же время – и всеокрушающая, и всевозмещающая сила природы. Триада индийцев – аллегорическое представление главных стихий: огня, земли и воды. Все трое – **Брахма, Вишну и Шива** – в своих различных фазисах попеременно изображают эти стихии. Но Шива – бог огня гораздо более, чем Вишну: он сжигает и вместе с тем очищает, возрождая новые формы. Словом, **Брахма и Сарасвати, Вишну и Лакшми, Шива и Кали** представляют в своей совокупности дух и материю с тройственным в них качеством созидания, сохранения и разрушения.

Что же касается философской идеи четырех лиц и восьми рук Шивы, то, считая его вездесущим, древние изображали его с лицом, повернутым в одно и то же время во все четыре стороны, но на одной голове; восемь рук указывают на его всемогущество, а одно туловище напоминает, что, хотя он везде и всюду и никто не может избежать ни его всевидящего ока, ни карающей его длани, он все же един.

Вишну един, а имен у него 1008. Каждое из этих имен есть название одного из качеств Единого. А личные качества Вишну воплощаются, в свою очередь, в других второстепенных богах индийского пантеона. Так, семь первобытных цветов призмы, на которые разлагается бесцветный луч, в дальнейших сочетаниях образуют вторичные сложные цвета. У бога Сурии (солнца), говорят брамины, семь сыновей. А бог воздуха Вайю – родитель семи первородных слогов и семи музыкальных тонов, в которых зарождаются и исходят всевозможные комбинации звуков в гармонии природы.

В Древней Индии религия была тесно связана с созерцанием природы. В Божестве олицетворялись всемирные истины и сама суть Истины. Поэтому пантеизм Индии, видимо, обоготворивший все грубые силы природы и как бы олицетворивший одни внешние образы, связан с областью физического видения, с химией, особенно астрономией, и представляет собой как бы опоэтизированный материализм. Но если отбросить внешнюю форму пантеизма, проникнув до первоначального происхождения мифов, мы не найдем в них ни богов, ни даже внешнего поклонения предметам из царства природы, но найдем поклонение духу вездесущему.

Учение о переселении души и карме, основное в религиозно-мифологической системе индуизма, связано не только с проникающей способностью высшей божественной силы, но и рядом моментов, составляющих учение о **тримурти** (вышеуказанной божественной троице) и божественной душе.

Комментируя представленный в вопросе текст, желательно добавить к нему следующее разъяснение его основных положений, представленных в самих «Упанишадах»:

«Самая великая опасность в жизни – это возможность вновь попасть в эволюционный цикл рождения и смерти. Если человек так или иначе упускает возможность духовного развития, предоставляемую ему человеческой формой жизни, и снова возвращается в эволюционный цикл, это должно считаться самым печальным исходом, хотя из-за несовершенства своих чувств глупый человек не способен понять этого»²⁷.

Великий Брахма и великая душа Атман, порождающие все живое и его сохраняющие, предопределяют эволюционный цикл всего существующего. Этот цикл подчиняется некоему всеобщему закону Рита (для отдельных элементов мира Дхармы), которой Веды поют возвышающие и сверкающие хвалебные гимны, доходящие даже до глухих. В Ведах говорится:

*Прочны опоры Рита, совершенен и прекрасен ее образ.
Благодаря Рита доставляется нам долгожданная*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.